

Дорога на Кукан

07.08.2019

Биробиджанер Штерн

Рисунок Владислава Цапа

Еврейский писатель Яше Чернис (Яков Ильич Чернис) родился 2 сентября 1909 года в г. Володарске-Волынской губернии (Украина).

С десяти лет под присмотром отца – потомственного пекаря – Яше начал работать, а в 16 лет стал членом сельскохозяйственной коммуны в одном из украинских сел. В 1930 году правление коммуны направило способного юношу на рабфак при Одесском учительском институте. Будучи слушателем рабочего факультета, Чернис опубликовал свой первый рассказ в харьковском журнале «Пролит» (сокращенно «Пролетарская литература»). Когда началось движение за переселение евреев на территорию будущей ЕАО, Яше Чернис не мог остаться в стороне от строительства национальной автономии и в 1932 году в числе 400 переселенцев прибыл на Дальний Восток. В Биробиджане Чернис, горячий патриот и активный общественник, свято веривший в светлое будущее нового края, поначалу работал «на комсомоле», затем – в системе народного образования. С 1935 года Яков – военнослужащий, работник в системе военкоматов. Уйдя в запас, Я.И. Чернис поселился в Подмоскovie и позднее стал продуктивно сотрудничать с редакцией журнала «Советиш Геймланд», печатая на его страницах интересные документальные очерки и мастерски написанные рассказы. Из жизни Яков Чернис ушел в 1977 году.

Предлагаем вам перевод рассказа-воспоминания Я.И. Черниса с изложением одного из жизненных эпизодов автора.

Перевод с идиша: Валерий Фоменко

На север от города Биробиджана, в самой глубине тайги находится селение под названием Кукан. В начале тридцатых годов в этом селении (а вернее будет сказать «в этом стойбище») кроме двух-трех десятков русских проживали нанайцы и якуты, а сам населенный пункт входил тогда в административные границы Биробиджанского национального района. В Кукане были колхоз, школа и детский сад, клуб и медицинский пункт, работал там же небольшой магазин потребительской кооперации. Колхозники дальнего таежного поселка занимались главным образом охотой и рыболовством.

В теплое время года ни малейшей возможности попасть в Кукан никогда и ни у кого не было: сплошная тайга, перемежаемая на протяжении километров непроходимыми болотами, напрочь отгораживала это селение от относительно обжитых мест. Летом лишь немногим смельчакам из числа рабочих леспромхоза удавалось выбираться из-под Кукана на плотках по реке Урми. Однако, доставив лес на железнодорожную станцию Николаевка, лесозаготовители-плотогоны могли возвратиться на свои деляны только с наступлением устойчивых морозов, которые, сковав ледяным панцирем реки и болота, позволяли людям добираться в Кукан по снежной целине – по так называемому зимнику, направление которого знал далеко не каждый даже из местных старожилов.

В таких условиях, например, школьные учителя, как и другие прочие служащие, волею судеб заброшенные в Кукан, едва ли не по целому году ждали выдачи заработной платы и получали ее лишь с наступлением зимних холодов.

Однажды случаю было угодно возложить миссию курьера-инкассатора на автора этих записок. Хотя почему бы не порадовать куканцев и мне? Все бы ничего, если б не одно существенное обстоятельство: в Кукане том я ни единого раза не бывал и, естественно, дороги туда знать не мог (сразу же должен оговориться, что слово «дорога» употреблено здесь мною, как вы понимаете, чисто условно). Однако мне обещали дать надежного проводника. Стать им должен был председатель Куканского сельсовета нанаец Издикан. Человек этот должен был тогда со дня на день вернуться из поездки в Москву, куда в числе других делегатов от Биро-Биджанского национального района куканский предсельсовета ездил встречать очередную годовщину Октября.

В райкоме партии мне, между прочим, было сказано буквально следующее:

– Вот побываешь в Кукане и, надо думать, благополучно оттуда вернешься, будем считать, что нет во всем нашем Биро-Биджане такого уголка, где бы не побывал товарищ Чернис. Ведь так?

В биробиджанском отделении Госбанка мне вручили под расписку при мне же извлеченный из сейфа объемистый и обляпанный сургучными печатями рюкзак с деньгами. Тут же, поудобней прилаживая на себе его широкие лямки, я почувствовал, что ноша моя будет не из самых легких. Здесь же, в банке, мне сообщили, что мой провожатый Издикан уже завтра утром будет ждать меня на базе Курурмийского леспромхоза, что он будет с собакой и что при себе у него имеется охотничье ружье плюс добрый запас провианта в дорогу – мешок мороженных пельменей из медвежатины.

На складе биробиджанской конторы «Заготпушнина» я получил целых два костюма из меха косули, сшитых наподобие комбинезона, меховую же куртку, спальный мешок и вдобавок ко всему этому – унты, какие носят у нас обычно летчики полярной авиации. В общем, я мог себя чувствовать с лихвой обеспеченным легкой и удобной одеждой, в которой человеку в тайге никакие морозы не страшны.

В пути.

День первый

В углу широкого заснеженного леспромхозовского двора трепещет на ветру огонек костра. Над огнем, на трехногом таганке исходит паром закопченный казанок. Подле костра на толстом березовом чурбаке неподвижно сидит нанаец с трубкой в зубах, чуть в сторонке от него лежит лохматая собака.

На ходу скинув с себя рюкзак, подхожу к костерку, здороваюсь. Кивнув мне в ответ на приветствие, нанаец окидывает меня оценивающим взглядом, и по его темному морщинистому лицу, вижу, расплывается доверчивая улыбка. Да, этот человек и есть тот самый Издикан. Представившись ему, сажусь рядом и, чтобы начать разговор, интересуюсь, как зовут его собаку. Сразу не ответив на мой вопрос, Издикан поворачивается в сторону пса и проговаривает что-то на своем языке. Собака поднимается с земли, приблизившись ко мне, устремляет на меня неподвижный взгляд желтых глаз, потом обнюхивает мои колени и опять ложится на свое место. Рассматривая здорового охотничьего пса (как мне было сказано, он отзывается на кличку Хунзай), сразу не могу сообразить, то ли передо мной черная собака с белыми пятнами, то ли, наоборот, белая с черными пятнами. А уже через минуту я наблюдал такую сценку с участием Хунзая. Издикан что-то опять негромко сказал ему по-нанайски, после чего собака подошла к моему рюкзаку, лежавшему в сторонке, неторопливо обнюхав его, повиляла косматым хвостом так, словно выражала удовлетворение от знакомства с новым для себя объектом, и снова улеглась на снег.

В начале девятого во дворе показался заведующий леспромхозом Скворцов, невысокий коренастый мужчина средних лет со следами оспы на лице и пышными буденовскими усами. Скворцов видит одним глазом (как я узнал позже, левый глаз он потерял в результате ранения в годы Гражданской). Леспромхозовский зав осведомлен о моем поручении и, перебросившись с нами несколькими фразами, решил попробовать на вес мой «рюкзачок». Но стоило Скворцову только наклониться к мешку, как рукав его полушубка мгновенно оказался крепко зажатым зубами Хунзая. Строгий окрик Издикана предупредил дальнейшее развитие небезобидного «сюжета»: пес выпустил из пасти рукав любопытного и с недовольным рычанием вернулся на свое место, приняв свою обычную позу – лежать на брюхе, уложив голову на вытянутые передние лапы.

Издикан, вынув изо рта трубку, сощурился и без того узкие глаза-щелочки, всматривается в прозрачно-голубое небо, произносит:

– Солнце однако поднялось, а день, шайтан-шаман, долгим не будет. В дорогу собираться пора.

– Може, погодишь иишо? Ты ить сам после такой дороги. Из самой аж Москвы, – нерешительно возражает Скворцов.

– Не-а. У нас говорят, если с началом дела опоздал, постарайся его закончить рано... Ну а еще говорят, что самая тяжелая ноша в пути – голод твой. Так что нам сейчас и покушать будет не во вред.

По-русски Издикан говорит с сильным акцентом, и вместо «законного» **ш** в словах его звучит **с**, поэтому «покушать» превращается у него в «покусать». И как бы в подтверждение своего высказывания о еде, он толстой щепой отодвигает от огня казанок с варевом и широко разводит над ним ладони, что определенно соответствует приглашению «Пожалуйте к столу!» Я реагирую на это должным образом: то есть подставляю повару для наполнения свой котелок и с готовностью вытягиваю из-за голенища унта деревянную

ложку. До того завтрака под холодным ноябрьским небом медвежье мясо, а тем более в пельменях, мне употреблять как-то, знаете, не доводилось, и, распробовав это блюдо, я представил себе, что вот прямо в этот момент вдруг появится передо мной великан-медведь и скажет мне: «Ты ешь с таким аппетитом, как будто еще в детстве привык питаться медвежатиной в своем Володарске, когда, помнишь, был подручным у отца-пекаря».

Пельмени с необычной начинкой мне действительно пришлись по вкусу. Правда, бульон, в котором они варились, показался мне сладковатым. Но, думаю, если чуть больше обычного добавлять в него соли и перца, то выйдет очень даже ничего. Кстати сказать, Издикан уже перед самым нашим выходом в путь и пса своего попотчевал остуженными пельменями. Не забыли мы прихватить с собой в дорогу трехногий таганок (по совету моего спутника я привязал это приспособление к рюкзаку), а запас из нескольких коробков спичек я упрятал под лицевой козырек своей ушанки.

Мешок с провизией Издикан с помощью бечевки тоже превратил в рюкзак, но гораздо более тяжелый, чем мой с деньгами. Кроме того, моему провожатому предстояло нести на себе ружье и полный патронташ. Нелегко придется человеку. Утешало одно: по мере нашего продвижения к цели ноша Издикана будет терять в весе: количество пельменей уж точно с каждым днем будет уменьшаться. Но пока что проводнику – что тут поделаешь? – придется какое-то время потерпеть.

Все то время, пока мы готовились к переходу, Хунзай наш не переставал тихо поскуливать, постоянно крутился под ногами и, наверняка понимая смысл наших действий, был чрезвычайно доволен тем, что мы вот-вот покинем место нашей встречи.

– Вы там мимо наших никак не пройдете. Так что обязательно передайте им, что через недельку я сам к ним с пополнением буду, – прощаясь, попросил нас товарищ Скворцов. А перед этим он вручил мне что-то вроде дорожного посоха со словами: «Примите от меня на удачу. Пригодится. Палочка эта уже три раза в Кукане побывала»...

Мы вышли с леспромхозовского двора. Первым, словно в точности зная наш маршрут, радостно прошмыгнул через калитку Хунзай. Перейдя линию железной дороги, мы оказались на необычно широкой улице, образованной, судя по их виду, недавно построенными однотипными бараками, и вскоре уже шагали по околице санным путем, по бокам которого множеством тонких нитей тянулись по снегу полосы – следы, оставленные возами с сеном.

Время близилось к полудню, крепкий еще с утра морозец и не думал спадать, хотя солнце над заснеженной равниной полыхало во всю свою мощь. Впереди нас бежал пятнистый пес, за ним шел Издикан, позади него я. Двигались молча. Я не без некоторого удивления наблюдал за проводником. С избытком нагруженный ношей, он двигался вперевалку, покачиваясь из стороны в сторону, отчего меня не оставляло опасение: может ли человек вот такой с виду небрежной «прогулочной» походкой преодолеть большое расстояние? Однако спутник мой шел легко и довольно быстро, а чтобы мешок с провизией не очень мешал ему при ходьбе, Издикан немного сутулился.

По мере нашего продвижения вперед к дороге все ближе подступали заросли орешника, над которыми поднимались густые кроны не теряющих зимой сухих и шумливых листьев своих молодые дубки. С утра было безветренно, вокруг царил тишина, и если остановиться, можно было расслышать разве что шорох листвы под лапами Хунзая. Этот все время бегал взад-вперед, словно отыскивая чьи-то следы, временами настороженно вострил уши; повиливая хвостом, крутился вокруг хозяина и снова, будто вспомнив что-то важное, принимался суетливо носиться туда-сюда.

Через несколько часов ходьбы следы саней и листочки от сена под ногами остались у нас где-то позади, теперь нас со всех сторон обступала тайга. Издикан, преодолев небольшой подъемчик, останавливается и, обернувшись ко мне, дает знак сделать привал. С облегчением сбрасываем с плеч груз и располагаемся под старым кедром, ствол которого в полутора-двух метрах от земли раздваивается и издали смотрится этакой косматой рогаткой. Присев на толстую колодину – на то, что осталось от могучего дерева-великана после давней свирепой бури, оглядываюсь вокруг. Странное, даже тягостное впечатление производят на меня уже бывшие кедры, от времени и климатических невзгод потерявшие хвою, ветви, сучья и даже кору. Мертвые деревья неровными столбами там и сям торчат из гущи древесно-кустарниковой растительности по всему склону сопки. Зато радуют глаз сказочной величины гигантские ели, сторожевыми башнями возвышающиеся над лесом.

Мешки наши повешены на толстые сучья поваленного дерева. Издикан неторопливо достает из-за пазухи трубку, я – свой портсигар из кармана. Хунзай тоже решает отдохнуть и растягивается на брюхе, уложив косматую черно-белую голову на вытянутые лапы. Когда один из нас начинает говорить, пес голову поднимает и внимательно смотрит в лицо говорящего. Неужто собака понимает, о чем речь идет? Да нет, скорее всего, она делает вид, что понимает. Но впору подивиться тому, как же она так натурально собственную причастность к нашему диалогу изображает!

– Ты когда-нибудь был в Москве? – с вопросом обращается ко мне Издикан.

– Конечно. Из украинского города – он Одессой называется – в наш Биро-Биджан по-другому, кроме как через Москву, и не попадешь никак.

– А сколько ты дней в Москве пробыл? – лукаво сощурившись, продолжает Издикан.

– Где-то дня три, не меньше.

– Три дня... Шибко мало это – три дня, шайтан-шаман. А у Калинина ты был? Нет? И у Смидовича тоже не был?

Издикан просто представить себе такое не может: как, мол, это так – пробыть в Москве, ну пусть даже три дня всего, и к Калинину или к Смидовичу хоть на часок не заглянуть. Чудно.

Больше куканский предсельсовета вопросов мне не задает. Выколотив о «сиденье» трубку, он снова набивает ее табаком, прячет за пазуху и командует: «В дорогу однако!»

По-русски Издикан говорит с сильным акцентом, и вместо «законного» **ш** в словах его звучит **с**, поэтому «покушать» превращается у него в «покусать». И как бы в подтверждение своего высказывания о еде, он толстой щепой отодвигает от огня казанок с варевом и широко разводит над ним ладони, что определенно соответствует приглашению «Пожалуйста к столу!» Я реагирую на это должным образом: то есть подставляю повару для наполнения свой котелок и с готовностью вытягиваю из-за голенища унта деревянную ложку. До того завтрака под холодным ноябрьским небом медвежье мясо, а тем более в пельменях, мне употреблять как-то, знаете, не доводилось, и, распробовав это блюдо, я представил себе, что вот прямо в этот момент вдруг появится передо мной великан-медведь и скажет мне: «Ты ешь с таким аппетитом, как будто еще в детстве привык питаться медвежатиной в своем Володарске, когда, помнишь, был подручным у отца-пекаря».

Пельмени с необычной начинкой мне действительно пришлись по вкусу. Правда, бульон, в котором они варились, показался мне сладковатым. Но, думаю, если чуть больше обычного добавлять в него соли и перчика, то выйдет очень даже ничего. Кстати сказать,

Издикан уже перед самым нашим выходом в путь и пса своего попотчевал остуженными пельменями. Не забыли мы прихватить с собой в дорогу трехногий таганок (по совету моего спутника я привязал это приспособление к рюкзаку), а запас из нескольких коробков спичек я упрятал под лицевой козырек своей ушанки.

Мешок с провизией Издикан с помощью бечевок тоже превратил в рюкзак, но гораздо более тяжелый, чем мой с деньгами. Кроме того, моему провожатому предстояло нести на себе ружье и полный патронташ. Нелегко придется человеку. Утешало одно: по мере нашего продвижения к цели ноша Издикана будет терять в весе: количество пельменей уж точно с каждым днем будет уменьшаться. Но пока что проводнику – что тут поделаешь? – придется какое-то время потерпеть.

Все то время, пока мы готовились к переходу, Хунзай наш не переставал тихо поскуливать, постоянно крутился под ногами и, наверняка понимая смысл наших действий, был чрезвычайно доволен тем, что мы вот-вот покинем место нашей встречи.

– Вы там мимо наших никак не пройдете. Так что обязательно передайте им, что через недельку я сам к ним с пополнением буду, – прощаясь, попросил нас товарищ Сковорцов. А перед этим он вручил мне что-то вроде дорожного посоха со словами: «Примите от меня на удачу. Пригодится. Палочка эта уже три раза в Кукане побывала»...

Мы вышли с леспромхозовского двора. Первым, словно в точности зная наш маршрут, радостно прошмыгнул через калитку Хунзай. Перейдя линию железной дороги, мы оказались на необычно широкой улице, образованной, судя по их виду, недавно построенными однотипными бараками, и вскоре уже шагали по околице санным путем, по бокам которого множеством тонких нитей тянулись по снегу полосы – следы, оставленные возами с сеном.

Время близилось к полудню, крепкий еще с утра морозец и не думал спадать, хотя солнце над заснеженной равниной полыхало во всю свою мощь. Впереди нас бежал пятнистый пес, за ним шел Издикан, позади него я. Двигались молча. Я не без некоторого удивления наблюдал за проводником. С избытком нагруженный ношей, он двигался вперевалку, покачиваясь из стороны в сторону, отчего меня не оставляло опасение: может ли человек вот такой с виду небрежной «прогулочной» походкой преодолеть большое расстояние? Однако спутник мой шел легко и довольно быстро, а чтобы мешок с провизией не очень мешал ему при ходьбе, Издикан немного сутулился.

По мере нашего продвижения вперед к дороге все ближе подступали заросли орешника, над которыми поднимались густые кроны не теряющих зимой сухих и шумливых листьев своих молодые дубки. С утра было безветренно, вокруг царил тишина, и если остановиться, можно было расслышать разве что шорох листвы под лапами Хунзая. Этот все время бегал взад-вперед, словно отыскивая чьи-то следы, временами настороженно вострил уши; повиливая хвостом, крутился вокруг хозяина и снова, будто вспомнив что-то важное, принимался суетливо носиться туда-сюда.

Через несколько часов ходьбы следы саней и листочки от сена под ногами остались у нас где-то позади, теперь нас со всех сторон обступала тайга. Издикан, преодолев небольшой подъемчик, останавливается и, обернувшись ко мне, дает знак сделать привал. С облегчением сбрасываем с плеч груз и располагаемся под старым кедром, ствол которого в полутора-двух метрах от земли раздваивается и издали смотрится этакой косматой рогаткой. Присев на толстую колодину – на то, что осталось от могучего дерева-великана после давней свирепой бури, оглядываюсь вокруг. Странное, даже тягостное впечатление производят на меня уже бывшие кедры, от времени и климатических невзгод потерявшие хвою, ветви, сучья и даже кору. Мертвые деревья неровными столбами там и сям торчат

из гущи древесно-кустарниковой растительности по всему склону сопки. Зато радуют глаз сказочной величины гигантские ели, сторожевыми башнями возвышающиеся над лесом.

Мешки наши повешены на толстые сучья поваленного дерева. Издикан неторопливо достает из-за пазухи трубку, я – свой портсигар из кармана. Хунзай тоже решает отдохнуть и растягивается на брюхе, уложив косматую черно-белую голову на вытянутые лапы. Когда один из нас начинает говорить, пес голову поднимает и внимательно смотрит в лицо говорящего. Неужто собака понимает, о чем речь идет? Да нет, скорее всего, она делает вид, что понимает. Но впору подивиться тому, как же она так натурально собственную причастность к нашему диалогу изображает!

– Ты когда-нибудь был в Москве? – с вопросом обращается ко мне Издикан.

– Конечно. Из украинского города – он Одессой называется – в наш Биро-Биджан по-другому, кроме как через Москву, и не попадешь никак.

– А сколько ты дней в Москве пробыл? – лукаво сощурившись, продолжает Издикан.

– Где-то дня три, не меньше.

– Три дня... Шибко мало это – три дня, шайтан-шаман. А у Калинина ты был? Нет? И у Смидовича тоже не был?

Издикан просто представить себе такое не может: как, мол, это так – пробыть в Москве, ну пусть даже три дня всего, и к Калинину или к Смидовичу хоть на часок не заглянуть. Чудно.

Больше куканский предсельсовета вопросов мне не задает. Выколотив о «сиденье» трубку, он снова набивает ее табаком, прячет за пазуху и командует: «В дорогу однако!»

Эх, если бы еще и дорога дальше была! Та, которой мы шли по санному следу часа два назад, осталась далеко позади, а от места нашего перекура под кедровой «рогаткой», дальше надо двигаться, ориентируясь по зарубкам и затесам на древесных стволах. Только вот отметины эти разглядеть не так-то просто: сделаны они были здесь неизвестно когда, а солнце, дожди и ветры старательно «замаскировали» следы топора под цвет стволов, на которых их оставляли. Ну а кроме того в час, когда солнце перевалило за полдень, в путанице косых теней лесные «дорожные знаки» попробуй еще разгляди.

Передвижение по зимней тайге куда больше похоже на преодоление препятствий, нежели на ходьбу: под ногой то и дело оказываются скрытые снегом коряги-валежины, пеньки, какие-то сучья, и различаешь их только тогда, когда ты обо что-то споткнулся, за что-то зацепился, на чем-то поскользнулся. Я все никак не могу отделаться от опасения: не дай-то бог, Издикану в этих дебрях с пути сбиться, а то смотрю, он как-то уж больно медленно идти стал, иногда даже останавливаться. Может, оттого, что еще и трубку на ходу курит? Шагает молча. Правда, несколько позже я к немалому удивлению своему заметил, что проводник мой как раз и не молчит, а этак совсем негромко, вроде как про себя, на ходу разговаривает. С кем? Не с кем, а с чем, точнее будет спросить. Да со всем, что он перед собой и вокруг себя видит. И если, как справедливо полагают, что здешние коренные жители, потомственные охотники, тайгу как книгу читают, то Издикан – не исключение и, выходит, читает он эту тайгу как бы вслух. А сейчас, судя по всему, он как раз вычитывает самые нужные для нас элементы «текста» – те самые указатели, что на стволах деревьев для лесных странников топором были написаны...

Не знаю, как мои спутники, а я все отчетливей ощущаю необходимость пообедать-поужинать. Хотя, сказать по правде, мне больше-то хотелось бы где-нибудь присесть да посидеть подольше. Ну вот совсем уж непривычны мне условия похода, на который я

тогда в райкомовском кабинете так опрометчиво отважился. Одно только и не дает мне совсем уж «завянуть»: вот впереди меня идет по снежной целине человек, которому приходится определенно труднее, чем мне. Мало того, что выбор пути за ним, но у него и ноша раза в два, если не в три повесомей моей будет, да и возраст Издикана уж конечно с моим не сравнить. «Так что не кисни, парень!», – приказываю я себе, примериваясь в эти секунды перепрыгнуть с шаткого камня посреди дымящего паром ручья на скользкий его бережок.

Временами у меня создается полное впечатление, что Издикан выполняет сейчас не ответственное поручение, а совершает приятную прогулку. Надо видеть, с каким, прямо-таки мальчишеским восторгом, он наблюдает за белкой, перелетающей с ветки на ветку и с дерева на дерево, за поведением собаки, которая при этом начинает с истошным лаем метаться между деревьями. При этом по широкоскулому лицу нанайца расплывается добродушная улыбка, которая делает его лицо еще шире.

– Ну ты только погляди на этих хвостатых, шайтан-шаман! – со смехом оборачивается в мою сторону Издикан.

Тут он вдруг наклоняется и, неуловимым движением вынув из деревянных ножен на поясе свой нож, ловко срезает ветку с ближнего куста.

– Вот. Сегодня будем однако чай с лимоном пить. На, пробуй, – протягивает он мне тонкий прутик.

Я пробую на зуб кончик прутика и действительно ощущаю привкус лимона. Как называется растение, с которого проводник взял ветку, я не спрашиваю: нанайское название мне ничего не скажет, а как оно переводится на русский, Издикан знает навряд ли.

Идем дальше. Очень кстати для меня оказывается палка, которую на Ине вручил мне Скворцов. Посох этот – надежная опора при ходьбе, с его помощью можно легко «разглядеть» под снегом очередное препятствие, а при случае воспользоваться как шестом, минуя то ручей, то колоду поперек «дороги».

Издикан, слышу, с вопросом ко мне:

– Видишь во-он ту сопку? Там перед ней, шайтан-шаман, место тихое есть. Там ночевать будет надо.

Мне, признаться, трудно рассмотреть то, что видит проводник. Вот отдельные деревья, за ними – лес, а дальше, до самого горизонта – сплошным массивом залегла синева вековой тайги...

Мороз между тем крепчает, что можно определить даже по скрипу снега под ногами: таким звонким сделался этот скрип! Но если остановиться, можно расслышать разве что собственное дыхание – такая тишина на земле. Проходит час-другой – и мы на том самом «тихом месте», о котором говорил Издикан. Первым делом освобождаемся от ноши и, повесив мешки на рогатые сучья упавшей лесины, готовим для костра хворост. Справа, неподалеку от места нашей будущей ночной стоянки, если вслушаться, журчит горный ручеек. К нему мы оба и направляемся за водой. У Издикана в руках не только походный чугунный казанок, но и ружье за правым плечом.

– Может, мне и рюкзак свой не стоило бросать? – спохватившись, обращаюсь к проводнику по пути к ручью.

– Да никто твой мешок-на-спине здесь не тронет, – доносится в ответ. – Тут все кругом, шайтан-шаман, сама тайга сторожит. Слышишь, как тихо?

Вечерняя порция пельменей сварена и без промедления съедена, время готовиться к ночлегу. Разгребаем снег, застилаем «постели» еловыми лапками. На них в спальных мешках мы и будем почивать. Рюкзаки укладываем в ногах так, чтобы они находились в поле зрения. Ну а перед этим мы выпили по кружке горячего чая (с «лимоном», понятно). Правда, и после этого справиться с усталостью мне все же не удастся.

– Сколько же мы с вами сегодня километров отшагали? – интересуюсь у своего вожатого.

– Сегодня только полдня шли, шаман-шайтан, – отвечает Издикан. – Завтра надо еще день идти. Весь день однако идти.

– И сколько же это километров будет, если весь день?

– Не знаю. Мы тайгу километрами не меряем. С какого конца и в какой край ее мерить надо, скажи?

Укладываемся в спальные мешки. Издикан, сняв ружье, кладет его у изголовья. Я спрашиваю:

– А может, рюкзак с деньгами надо было на ночь в снег закопать?

– Спрятать? От кого? Если сюда человек ли, зверь ли подходить будет, Хунзай еще за полчаса его учует и сразу же по-своему, по-собачьи, мне все скажет.

– А зачем же вы тогда ружье близко к себе положили?

– Ружье всегда при себе держать надо. Без ружья в тайге ты однако хоть днем, хоть ночью не охотник совсем, шайтан-шаман.

Мы ложимся головами на север, между нами на еловых ветках устроился Хунзай. Я отчетливо слышу его дыхание и ощущаю исходящее от него тепло. Все выглядит так, словно мы все трое собрались спать в одной постели, и нам не хватает разве что общего одеяла. Вокруг нас безраздельно царствует тишина – безмолвие, от которого звенит в ушах и которое бывает наверно лишь в зимней тайге. Здесь, кажется, за целый километр можно расслышать сейчас малейший шорох. Но вот откуда-то издалека донесся довольно громкий звук – не то стук, не то хлопок.

– Это кедры от мороза маленько трескаются, – не ожидая моего вопроса, объясняет Издикан.

Он не спит, а я чувствую запах табачного дыма от его трубки. Час не такой уж поздний, и Издикан, решив продолжить нашу короткую дневную беседу, говорит:

– Так значит у Калинина в Москве ты так и не был? Жалко однако...

Он поворачивается ко мне лицом и продолжает:

– Хороший город Москва... Шибко большой только. Сколько по нему не ходи, шайтан-шаман, а до конца никак не дойдешь... Машины, лошади с телегами, трамваи еще – не сосчитать однако... А людей как деревьев у нас в тайге...

Издикан помолчал минутку. Я слышу, как он чмокает, раскуривая свою трубку, и продолжает:

– А как же, шайтан-шаман, далеко от нас эта Москва! Поезд ой как шибко скоро ходит, а до нее ему дойти целых девять сутки надо... А знаешь, я там, в Москве, прямо чуть без ног не остался, да. Куда ни пойдешь, где ни встанешь, все тебе на ноги наступают. В трамвай заходишь – наступают, в магазине стоишь – тоже наступают. Люди ходят там в сапогах или в ботинках с галошами. Вот они под ногами и не чувствуют ничего. А я-то всегда в мягких ичигах да в унтах. Как мне кто на ногу наступит, я сразу чувствую, шайтан-шаман – больно однако!

Издикан затягивается дымом и, кашлянув, заливается веселым смехом.

В пути.

День второй

На рассвете, едва открыв глаза, понимаю, что Издикан давно на ногах, слышу, как потрескивает костер и в казанке булькает вода. Подле костра лежат аккуратно уложенные в кучку сухие дровишки. Выбираюсь из спальника, и тут меня радостно встречает Хунзай. Он пританцовывает, припав на передние лапы, машет своим лохматым хвостом и смотрит мне в лицо своими умными желтыми глазами.

– Добара утара! – неуверенно выговаривает явно непривычное для него приветствие Издикан. – Как спал? Не замерз, шайтан-шаман?

Первый раз в жизни мне довелось спать ночью в зимнем лесу. Не скажу, что сон на свежем воздухе смог освежить и меня. Пройти накануне таки приличное расстояние по бездорожью, вдобавок – отнюдь не налегке, а наутро этого не почувствовать, сами понимаете, невозможно. Но признаться в этом Издикану мне вовсе не хочется (попросту стыдно) и я этак бодро говорю ему в ответ:

– Жаль, что вы раньше меня не разбудили. Уже светло, вижу. Идти можно.

Издикан, не выпуская изо рта трубку, сосредоточенно возится с костерком, на секунду повернувшись ко мне, бросает:

– Тайга однако не дикая коза. От человека ни разу не убегала.

Тайга, таки да, от нас не убежит, но время ждать нас точно не будет, и с выходом в дорогу медлить, конечно, не стоит. Я умываюсь, зачерпнув горсть снега, и мы садимся завтракать.

– Ну а какой маршрут у нас на сегодня? – скорее, чтобы нарушить молчание, чем услышать и без того очевидный ответ, спрашиваю у Издикана. Он, почти закрыв глаза, с наслаждением отхлебывает из кружки горячий чай и не сразу дает ответ:

– Сегодня однако почти весь день будем идти. Все в гору, на подъем, в большие сопки однако идти будем...

В тайге царствует мертвая тишина. Можно расслышать не только малейший шорох, но и безошибочно указать направление, в котором он обозначился. Примерно через час после того, как мы покинули место нашего ночлега, идущий впереди Издикан круто, под прямым углом, сворачивает направо. Надо стороной обойти подъем, а точнее будет сказать, скалистый обрыв, стеной вставший на нашем пути. Чтобы не карабкаться по круче, нам приходится идти в обход через такую чащу кустарника, что я тут же теряю проводника из виду и угадываю направление его движения по шуму и треску кустов, через которые он сейчас пробирается (продирается, уж лучше сказать) там впереди.

Но вот колючие заросли поредели, и перед нашими глазами возникает забавная сценка. По веткам высоченного дуба, осыпая струйки искристого снега, прыгает-мечется белка. Хунзай реагирует на это зрелище залившимся лаем и, будь у него такая возможность, он готов преследовать рыжую красавицу, взбежав на дерево по его стволу. Издикан с веселым смехом наблюдает за псом.

– Вы, как я вижу, белок не стреляете? А ведь это же мех! – говорю хозяину собаки.

Я действительно не могу взять в толк, почему он, охотник, на моих глазах вот уже второй раз упускает возможность заполучить ценную беличью шкурку.

– У меня в патронах шрапнель. А с ней только на крупного зверя ходить, – объясняет Издикан. – По белке шрапнелью стрелять – в шкурке дырки делать. А из дырок, шайтан-шаман, воротника не сошьешь...

В этот момент собака перестает лаять, и до нашего слуха доносится шум, заставивший нас невольно насторожиться. У меня такое впечатление, что где-то рядом на землю внезапно рухнул страшной силы грозовой ливень. К звуку этому примешивается треск сухих веток. Шум нарастает, Хунзай, ошетинившись, скалит пасть, глухо рычит. Издикан, вижу, уже держит наготове ружье. «Нам что-то угрожает? Что-то произошло или произойдет? Возникла опасность?» – чередой проносятся у меня в голове тревожные мысли. Прочитав недоуменное выражение моего лица, Издикан делает в мою сторону успокаивающий жест и с досадой громко выкрикивает:

– Эх, как жалко, шайтан-шаман! Шибко жалко однако!

И только выйдя из-за кустов, я увидел вереницу, целое стадо – да нет, лавину! – стремительно несущихся мимо нас диких коз. Зрелище, поверьте, – глаз не оторвешь! Грациозные животные, с удивительной легкостью преодолевая на своем пути все и всяческие препятствия, кажется, не бегут, а низко летят над землей. Да они попросту не замечают здесь никаких таких препятствий. А хворост и колючие, словно стальной проволокой опутанные сухими лианами кусты, шумят и трещат как будто не под ногами косуль, а уже им вслед. Чуть отстает от бегущих и полоска полупрозрачного белого дымка – морозного пара, вырывающегося из ноздрей десятков пятнистых козочек.

– Эх, как жалко, шайтан-шаман! – повторяет Издикан. Он произносит эти слова явно под впечатлением наблюдаемой им в эту минуту картины и гневно топает ногами по сыпучему снегу. Я, честно говоря, не понимаю ни причины видимого замешательства, в котором человек этот сейчас пребывает, ни причины его сожаления.

– Ну стреляйте, стреляйте же! – кричу я. – Ну что же вы стоите как...?

Издикан отирает рукавом холодный пот со лба и едва не навзрыд отвечает:

– Так ведь нельзя-а-а! Никак нельзя стрелять! Ты видишь, сколько их тут!

– И что же?!

– Закон наш запрещает по стаду стрелять.

Поднимаясь по отлогому склону, примерно через час выходим на «чистину», с которой перед нами открывается плотно обложившая горизонт горная цепь.

...Одолев затяжной подъем по отлогому склону, примерно часа через полтора выходим на «чистину», с которой перед нами открывается плотно обложившая горизонт горная цепь. Относительно невысокая сопка впереди – та, что ближе к нам, – поднимается к небу не одной, а двумя голыми, укрытыми снегом вершинами неодинакового «фроста». Как

сообщил мне Издикан, между ними и проляжет часть нашего дальнейшего маршрута. К сказанному проводник добавил:

– Как только маленько спустимся с перевала, можно будет и отдохнуть. Хорошо отдохнуть можно. И ужинать там будет надо. Ночевать однако тоже.

– Ну ничего себе! Выходит, мы только к вечеру за этой сопкой будем?

– Ага, считай, целый день туда идти. Потому что больше все в гору да шибко в гору, шайтан-шаман.

В общем, я понял, что означало сочетание слов «маленько спустимся»: то есть если где-то там впереди и окажется спуск, то, скорее всего, он и вправду составит совсем невеликую часть нашего дневного перехода, а вот «все в гору да шибко в гору» прозвучало для меня довольно убедительно. Впрочем, у меня нет ни малейших оснований не доверять Издикану, равно как и сомневаться в его способности уверенно ориентироваться в таежных дебрях. Ведь и вчера, и сегодня мы шли чаще-то всего по видимым только ему одному «дорожным» знакам, оставленным на древесных стволах первопроходцами лесного бездорожья. Сейчас, двигаясь по равнине, где больших деревьев, а следовательно, и путевказателей нет, мы держим курс на ту самую сопку с двух горбах. Это, насколько я могу судить, точно на север. Коренные жители этих мест – нанайцы, ульчи, орочи – как те перелетные птицы, обладают особым пространственным чутьем. Да и что тут удивительно? Тайга для них, что называется, дом родной.

...Забегая немного наперед, хочу сказать вот о чем. Однажды утром я проснулся, чувствуя себя так, как будто накануне пахал целый день ну или в одиночку спешно вагон разгрузил. У меня болела не только поясница, но все мышцы и суставы ниже (да и выше нее) тоже. Утешить меня в этом положении могло разве что одно: я, кажется, отчасти начал постигать – пусть пока еще и не совсем осознанно – некие принципы, приемы и особенности пешего передвижения в полном смысле этого слова по беспощадно пересеченной местности. Ну а уяснить себе, что это за принципы такие – спешу вас уверить – можно исключительно только через собственный опыт. В общем, следуя за Издиканом, я старался от него не отставать, и в основном-то у меня это получалось. Короче говоря, чтобы идти, надо... идти. Именно этим все и исчерпывается.

Чем дальше мы идем по местам, относительно доступным для человека лишь в холодное время года, тем чаще видим на снегу следы лесных обитателей – зверей и птиц. Хотя сами они встречаются нам редко. Правда, за исключением белок, которые время от времени осыпают нас сверху, с деревьев снежной пылью. Каждый раз, когда в поле зрения Издикана появляется белка, он останавливается и буквально застывает на месте и, выждав краткую паузу, шагает дальше.

...Только к концу второго дня нашего путешествия мне вдруг стало любопытно, сколько же денег в моем рюкзаке. В банковской расписке на сей счет не было ни слова (точнее сказать, ни цифры) и формулировки там были какими-то обтекаемыми. Ну а мне до этого какое дело? Ведь почтальону вряд ли интересно содержание писем, которые он разносит. Теперь, в дороге, я почему-то задумался над вопросом: а могут ли жители такого невеликого поселка, как Кукан, заработать пусть и за целый год столько денег, что их приходится нести в таком объемистом мешке? Вес его, конечно, вряд ли что-то скажет. Поскольку если набить рюкзак рублевками, у него будет один вес, а если, скажем, пятирублевыми купюрами, то, понятно, другой. Но вот сегодня, когда я забрасывал свою «персональную» ношу за спину, мне показалось, что сума эта с энной суммой внутри нее заметно потяжелела. И я понимаю авторов той банковской расписки: ведь сколько бы

времени мне самому потребовалось для пересчета такой уймищи денег. А надо ж было спешить, чтобы воспользоваться издикановской «оказией».

Размышляя о только что здесь изложенном, я даже как-то не заметил, как отстал от своего «лоцмана». Тут же, оглянувшись назад, я увидел, насколько высоко мы забрались по склону двугорбой сопки. То место, где мы недавно наблюдали за бегущими косулями, теперь далеко-далеко внизу, а густой кедровник, накрытый прозрачной морозной дымкой кажется отсюда уютной лужайкой. Потрясающе-великолепный вид открывается глазу с высоты! Между тем мы поднимаемся все выше и идем уже не на север, а то на северо-восток, то на северо-запад: склон перед самой вершиной перевала настолько крут, что подниматься по нему можно только так – зигзагами.

В какой-то момент (что прямо-таки очень кстати) мы оказываемся перед скалой, из-под которой бьет родник. Над родником и дальше вниз, над вытекающим из него шумным ручьем клубится густой туман, который одел кусты над водой нежно-голубыми кружевами инея. По словам Издикана, ручей этот почти на всем его протяжении не замерзает даже в «шибко злые» морозы. Все трое утоляем жажду и, немного отдышавшись, продолжаем движение. Я преодолеваю уже последние метры склона, едва не касаясь руками земли. Каждый шаг дается мне немалым трудом, и я сейчас особенно остро ощущаю тяжесть своей ноши: стоит мне выпрямиться, как тяжеленный рюкзак начинает тянуть меня назад и вниз с удвоенной силой. Так что неспроста мне вспомнилась тогда одна занятная историйка, когда-то услышанная от отца. Привожу ее здесь.

Пришел как-то один мужик из деревни в еврейское местечко верстах в пяти от нее к знакомому лавочнику и попросил отпустить ему с десятков фунтов соли. Покупателю дважды просить торговца не надо, и он тут же отвесил крестьянину ровно десять фунтов этой соли. Тот чин чинком с продавцом расплатился, но, покачав на ладони мешочек, так, на всякий случай, сказал хозяину лавки:

– Ты, Мойша, человек, я знаю, честный. Но кто из нас не ошибается? Скажи, ты точно мне сейчас десять фунтов отвесил? А то ведь...

– Ну да! – обиделся лавочник. – Сколько раз я тебе соль продаю, столько раз ее и недовешиваю. Так, считай, на том и разжился. В люди, можно сказать, вышел.

Неловко мужику стало от этих слов:

– Ладно, ты уж прости меня. Не подумавши брякнул.

С тем и ушел. Уже выйдя из местечка, мужик опять прикинул на глазок вес мешочка с солью и твердо решил, что не напрасно усомнился в честности лавочника: ну не тянет мешочек на десять фунтов, никак не тянет. Нет, в другой раз в лавку этого хитреца Мойши он ни ногой! Еще версты три отшагал тот мужичок и, присев отдохнуть (день как раз выдался на редкость жаркий), опять встряхнул мешочек: «Да нет, зря я на человека погрешил – все как есть десять фунтов в мешке». Поднялся, пошел дальше и, подходя уже к своей хате, подумал: «Нет, все же не зря я сегодня ноги бил. Теперь с солью буду. Столько и на сало, и на капусту и мне, и братьям, и куму с избытком хватит».

Порядком уставший с дороги, обливаясь потом, мужик пришел домой и несказанно довольный с порога похвастался жене:

– Смотри, сколько я соли купил у этого простофили Мойши. Заплатил я ему за десять фунтов, а здесь, пожалуй, все пятнадцать будет. На вот, держи.

Вот так и с моим рюкзаком получалось: чем дольше я его нес, тем тяжелее он для меня становился.

Время было уже за полдень, когда мы наконец-то «маленько спустились» и Издикан предложил сделать короткий перерыв на обед. Растопив снег, варим на талой воде пельмени. Едим молча. Я вновь не без некоторого удивления отмечаю прямо-таки прирожденную способность моего спутника видеть, понимать – нет, даже инстинктивно чувствовать все, что нас окружает. Вот ведь, казалось бы, невелика мудрость – выбрать в лесу место пусть и для непродолжительной передышки. Тут как будто и выбирать ничего не надо: как говорится, где утомился, там и притулился. Но не так думают жители тайги, которые читают ее и четко видят в ней все «знаки препинания». Так что и сейчас мы устроились на отдых так, что лучше не надо: вот сугроб для воды без единой опавшей хвоинки поверх него, рядышком – куча хвороста для костра, а вот удобная «скамья» – уже потерявший кору лежащий кедровый ствол. И обзор с этого места прекрасный: хоть мы и в лесу, а отсюда все кругом отлично просматривается. Подкрепившись очередной порцией нашего «походного» блюда, обмениваемся несколькими незначущими фразами, и тут я от Издикана неожиданно слышу:

– А я думал, что мне с тобой в тайге совсем шибко плохо будет. Но, я гляжу, ты молодец. Идешь однако. Комсомолец, шайтан-шаман!

...За обедом мы не заметили, как все вокруг обложил туман. И хотя до вечера было далеко, складывалось впечатление, что приближаются сумерки. Снова отправляемся в путь и через какой-то час оказываемся на гребне нового перевала. Правда, не такого «серьезного», как тот, который мы одолели перед этим. Но то, что открылось нашим глазам с вершины перевала, являло собой нечто ужасное. Вы можете представить себе черный снег? А здесь все было покрыто именно таким снегом, и над ним не было ни травы, ни кустов, ни древесной поросли. И еще мы увидели большие деревья с обуглившимися снизу стволами и стволы, лишенные всего, что делало их деревьями... Даже Издикан, очевидно, не раз в своей жизни выдавший и лесные пожары, и то, что они оставляют после себя, остановился и застыл на месте, потрясенный картиной мертвой тайги. Потом, словно пытаясь стряхнуть с себя оцепенение, зябко повел плечами и заголосил:

– Ай-ай-ай!.. Ой-ой-ой! Шайтан-шаман! Сколько зверя тут погибло, сколько его отсюда совсем-совсем ушло! Ай-ай-ай, шайтан-шаман!.. С такого места скоро уходить надо. Стоять плохо, смотреть плохо... Иди за мной, не отставай. И скорей торопись, шайтан-шаман! – уже на ходу сердито командует Издикан (за время нашего пути он впервые со мной в таком тоне).

Судя по всему, проводник решил – что вполне резонно – обойти место таежного бедствия стороной. Он круто поворачивает направо, мы движемся по самой границе обширного горельника – торопливо спускаемся к подножию сопки по узкому каменистому гребню, который и стал преградой для бушевавшей здесь недавно огненной стихии. Сырой воздух пропитан горьким запахом пожарища, низовой ветерок пылит под ногами холодной золой. Иду, стараясь не смотреть влево, в сторону мертвого леса: его чернота действует на меня угнетающе («смотреть плохо» – правда). Ко всему прочему заметно портится погода: гуще стал туман, щеки покалывают невидимые снежинки...

Мы останавливаемся на несколько минут, чтобы оглядеться вокруг. Пойдя в обход выгоревшей площади по самому ее краю, мы таки порядком отклонились от намеченного маршрута, и Издикану, очевидно, нужно сейчас определиться с направлением нашего дальнейшего движения. Тут же перед нами появляется было отставший от нас Хунзай.

Собаку трудно узнать – на ее косматой шкуре ни единого белого пятнышка. Издикан палкой разгребает снег и, пробормотав что-то по-нанайски, говорит уже мне:

– Посмотри сюда. Весь снег – одна сажа, шайтан-шаман!

Да, на месте нашей остановки нет чистого снега для воды, не видно поблизости и хвороста, поскольку, спустившись с сопки, мы оказались на краю замерзшего болота, хотя и недалеко от края выжженного леса. Однако не все так плохо (для нас, по крайней мере). По словам Издикана, в этой округе протекает речка Ин, куда, скорее всего, впадает тот ручей из родника чуть ли не на самой вершине перевала. До реки, на противоположный берег которой недавний лесной пожар точно не мог перекинуться, отсюда не так уж близко. Значит, идти нам надо как можно быстрее, дает мне знать Издикан, и тогда до наступления темноты – пожалуй, через час-полтора – мы сможем устроиться на ночлег.

– Давай мне однако свой мешок-на-спине, а ты мое ружье понесешь – тебе легче станет, совсем быстро пойдешь, – великодушно предлагает мне Издикан.

– Нет, – отвечаю ему. – Нельзя мне меняться. Рюкзак этот только моя забота...

Час или даже полтора разве много? Ну конечно же нет. Но иногда даже полчаса могут показаться тебе вечностью. И странно: чем быстрее идешь ты, тем медленней идет время. Как, например, это было для меня тогда, в конце второго дня нашего перехода. Уже стемнело, а мы все шли и шли. Я стараюсь не отставать от проводника, который с десяти-пятнадцати метров в густых сумерках кажется мне расплывчатым темным пятном. А тут еще повалил снег. Я рукавом отираю лицо, мокрое от снега и пота, и чувствую, что выбиваюсь из сил.

– Ты слышишь? – вдруг доносится до меня голос Издикана. – Это ведь вода в речке шумит, шайтан-шаман!

Да, слева от нас отчетливо слышен шум текущей по каменистому руслу воды. Если присмотреться, в вечернем сумраке сквозь пелену снегопада можно различить впереди местами уже схваченное льдом речное русло, крупные камни, торчащие из воды, и местами – путаницу сухих древесных сучьев и корней над водой. На другом берегу речки – стена таежного густолесья. Нам туда. Туда, где нас – ну наконец-то! – ждет отдых.

– Ты однако не Хунзай, – развеял мои надежды Издикан. – Как он, ты по камням через речку прыгать можешь, нет? И темно, видишь. Скользко совсем тоже, шайтан-шаман... Рюкзак тяжелый у тебя. До утра тут ночевать будем! – решительно заключает он.

Сбросив с себя мешок и положив на него ружье, Издикан шумно отдувается и шапкой оттирает потное лицо. Присев на ближайший камень, я пытаюсь осмотреться. Для костра здесь и хворостинки не найдешь. Да еще в темноте...

– Погоди-погоди, – словно угадав мою мысль, говорит не то мне, не то самому себе Издикан. – Вода есть – огонь тоже будет. Пельмени будут. Все как у нас дома в Кукане, шайтан-шаман.

Бормотание на чужом мне языке и звук удаляющих шагов Издикана я слышу уже из темноты. Потом все стихает, и воцарившуюся тишину нарушает только усыпляюще-монотонный шум воды в каменистом речном русле. Я вслушиваюсь в этот шум, отчего у меня возникает странное ощущение, что здесь, на диком берегу таежной речки остановилось время.

...До сих пор не могу понять, откуда на место нашего ночного привала Издикан притащил здоровенную охапку сушняка, из-за которой я разглядел только его лохматую шапку. Неужто он сумел где-то перебраться через речку и со своей ношей оттуда так вот благополучно вернуться? Да еще в такую темень...

И вот мы уже сидим у костра, при свете которого еще плотнее сгустился вокруг нас ночной мрак. Весело потрескивают под треногим таганком дровишки, булькает в казанке вода, мое воображение дразнит неповторимый запах пельменей. И удивительно: вот кажись только-только я буквально валился с ног от усталости и готов был заснуть прямо вот так, сидя на камне, а сейчас у меня сна ну просто ни в одном глазу. Через эту каменную глыбу что ли ушла куда-то в землю вся моя усталость? Издикан держит под контролем наш спасительный костер, подкладывая в него ломкие прутья, в дыму кружат и улетают вверх стайки искорок. Вытянув из огня обуглившуюся палочку, Издикан раскуривает от нее трубку и, закинув голову, зажимается от удовольствия.

Хунзай расположился возле моего рюкзака, свернувшись в клубок так, что из этого клубка видны только желтые глаза нашего четвероногого спутника и острые его уши.

В свете костра поблескивают снежинки, но обильно посыпавший округу вечерний снегопад как будто закончился. В то же время ослаб и мороз.

Издикан, сидящий у костра напротив меня, слышу, что-то негромко начинает говорить себе под нос, говорить по-своему, по-нанайски. Может быть, на сей раз человек по привычке беседует с огнем? Но вот его неразборчивую скороговорку сменяют слова, произносимые нараспев, засим следуют короткие, четко отделяемые друг от друга, фразы. Фразы эти, в начале похожие на выкрики, в конце переходят как бы в молитвенный речитатив. Пытаюсь различить в этом странном монологе отдельные слова, уловить в нем знакомые мне звуки, но у меня создается впечатление, что и слова, и звуки эти разительно похожи друг на друга. Они тут же непостижимым образом скользят поверх моего сознания, сливаются в нем в нечто слышимое, но неповторимое. Ну вот могли бы воспроизвести собственным голосом, скажем, журчание ручья, эхо в горах, ну или что-то в этом роде?

Наблюдая за действиями проводника, я ни словом, ни жестом не перебиваю его загадочное «выступление» перед огнем ночного костра. Но вот, вижу, Издикан перестает покачиваться взад-вперед и, как бы оборвав самого себя, вдруг спохватывается:

– Ай-ай-ай, шайтан-шаман...

Прекратившийся было снегопад начинается снова. Снежинки крупными соли падают на мои пельмени и мгновенно становятся невидимыми. Издикан между тем дает нашему костру разгореться поярче, чтобы в его свете было удобней устроиться на ночлег. Вскоре мы лежим упакованные в спальники, однако мне уснуть все как-то не удастся: перед глазами у меня одна за другой непрерывно всплывают детали увиденного за минувший день. С поразительной ясностью встает передо мной мрачная картина мертвой тайги, и я невольно пытаюсь представить себе беспощадное всепожирающее пламя, на целые километры захлестнувшее лесистые склоны сопки. Представить мне такое непросто, как непросто было бы сравнить это бедствие с пожаром, свидетелем которого мне однажды довелось быть еще в детстве. Там все было, конечно, совсем по-иному, а случилось это в нашем местечке в годы Гражданской войны на Украине, занятой тогда немцами.

В центре невеликого городишка нашего располагалась базарная площадь с длинным рядом лавок на самой ее середине. Рассказывали, что хозяин одной из таких лавчонок, решив покончить со своим конкурентом, поймал мышь, облил ее керосином, поджег и отпустил бедняжку возле «торговой точки» соперника. Естественно, тут же вспыхнул

пожар. Люди, скорей всего, справились бы с коварным огнем, не дав ему разгореться, поскольку в местечке была и пожарная команда, и средств пожаротушения имелось в достатке. Но в городке располагалось тогда армейское подразделение германцев. Базарная площадь была немедленно оцеплена солдатами, которые решительно преградили нашим пожарникам доступ к месту возгорания. Крики, шум, плач, суматоха... И на этом фоне, перекрывая всеобщий гвалт и треск горящих стен и кровель, многократно повторяясь, угрожающе гремел железный голос из рупора: «Ахтунг, ахтунг! Орднунг, орднунг!» То есть немцы призывали горожан соблюдать порядок и спокойствие. Призывали до того часа, пока место, где накануне стоял ряд лавок, под утро не разделила надвое длинная гряда пепелища.

Тот эпизод из жизни еврейского местечка не мог не сохраниться в моей памяти. Страшен разгул огня, вырвавшегося из-под воли человека. Недаром говорят, что огонь и вода – верные слуги, но ужасные хозяева. Ну а то, что мы увидели сегодня с Издиканом с каменной верхушки перевала, конечно же, ни в какое сравнение не может пойти с тем, что я однажды видел на Украине. В природе тоже бывают катастрофы и трагедии. Но что стало причиной гибели девственного леса на обширном пространстве вот здесь, совсем неподалеку от нас, да еще и зимой? Ломаю голову над этим вопросом и не нахожу ответа. И не могу уснуть. Закуриваю и, наверное, в третий или в четвертый раз переворачиваюсь с одного боку на другой.

– Спать надо, однако, – подает мне, несомненно, полезный совет Издикан. – Завтра трудный день будет.

Издикана надо слушаться. Не верить ему тоже нельзя: если он сказал, что день ждет нас трудный, значит, так оно и будет...

День третий

Я лежу и, несмотря на поздний час, все никак не могу заснуть. Издикан, судя по всему, спит. Было уже полночь, и я как будто задремал, как поблизости от нашего «лежбища» раздался собачий лай. Издикан моментально вскинулся и вижу, уже держит в руках ружье. Я быстро освобождаюсь от мехового кокона и, приглядевшись, вижу Хунзая, который, стоя у самой воды, облаивает кого-то на противоположном берегу.

– Что это может быть? – спрашиваю.

– А черт его знает, шайтан-шаман, – с явным раздражением отвечает Издикан, глядя в темноту. – Никого не видеть, однако.

Он подзывает к себе собаку, прикрикивает на нее, стараясь успокоить. Безуспешно – Хунзай лает еще громче. Тогда Издикан берет пса на руки и, держа его перед собой, как берем дров, подносит к своему спальному мешку: давай, дескать, лежи – здесь твое место. Потом, уложив собаку на снег, похлопывает и поглаживает ее по боку. Так, как это обычно делают, когда усыпляют младенца. И что же? Как понимаю, действует.

Мы снова забираемся в свои ночные «оболочки» и засыпаем.

Однако долго спать нам так и не удастся. Хунзай опять разбудил нас тревожным лаем. Что нам здесь остается? Волей-неволей приходится начинать предсказанный моим спутником трудный день задолго до его начала. Издикан уверен, что собака без причины лаять не станет. Но вот кто объявился там, на другом берегу шумливой речки, предположить и уж тем более рассмотреть невозможно: все окружающее для нас – сплошная масса плотной темноты. Вот рассветает, и тогда... Между тем Издикан шевелит в кострище головни, и мало-помалу над ними вырастают язычки огня. Мы снова занимаем

у костерка свои «вечерние» места, курим, наблюдая, как навстречу редким снежинкам поднимаются стайки искр. Сторожкую ночную тишину нарушает только шипение и потрескивание нашего костра да неумолчный шум воды в каменистом русле близкой реки.

Чувствуется, что настроение у моего спутника сейчас не из лучших. Все он делает молча, и не то что не расположен к беседе, а даже делает вид, что не слышит моих вопросов. Вот он опять удаляется куда-то в темноту и лишь через четверть часа возвращается с охапкой хвороста и с водой в казанке. По-прежнему ни слова не говоря, Издикан варит пельмени, хотя завтракать как будто рановато, также молча наполняет варевом мой котелок. По всему нетрудно предположить, что человек с нетерпением ждет наступления рассвета. Ведь почему известная поговорка утверждает, что утро вечера мудреней? Да, может быть, еще и потому, что при дневном свете нам ориентироваться легче. Легче, пожалуй, во всем.

Управившись с ранним завтраком, закуриваем, и Издикан, наконец, нарушает молчание:

– Скоро, однако, светло станет. Нам на ту сторону надо будет. Кто знает, шайтан-шаман, кто там, что там.

– А что там? Тайга и тайга...

– Не-а. На пустую тайгу Хунзай однако не лает.

Тем временем за речкой, над зубчатым массивом хвойника небо заметно светлеет, отчетливей становятся очертания окружающих предметов, и вот сквозь густые кроны стеной стоящего на противоположном берегу Ина пробились первые лучи солнца.

Мы еще не успели подойти к воде, как я заметил Хунзая чуть выше течения реки уже на самой ее середине. Надо было видеть, как этот пес, прямо по-беличьи, с изяществом настоящей цирковой собаки буквально перелетает с камня на камень. Считанные секунды – и наш Хунзай уже на том берегу. Повернувшись в нашу сторону, собака приветливо помахивает хвостом, словно предлагая нам последовать ее примеру. И вот она бежит туда-сюда вдоль берега, низко опустив морду, несколько раз останавливается, скребет лапой снег и опять заливается громким лаем.

Издикан жестом дает мне знак оставаться на месте, сопроводив его словами: «Ты маленько останься тут», уже вооруженный двумя суковатыми палками, тоже начинает переправу. Вот он, примерившись, делает широкий шаг с бережка на припорошенный снегом камень, опираясь на палки, перемещается с него на другой, поменьше, долго стоит, видимо, соображая, как подобраться к обледеленой коряге, косо торчащей из воды. Не то шаг, не то прыжок – и, едва не поскользнувшись, Издикан, вижу, уже осторожно переступает по этой валежине ближе к тому берегу, готовясь утвердиться еще на одном камне. Тем же манером удачно преодолев над быстринкой последние метры рискованной переправы, Издикан оборачивается ко мне, машет поднятыми над головой руками, что-то кричит. Из-за шума воды я не могу разобрать слов проводника. Более или менее отчетливо я слышал из них всего лишь два – «ай-яй» и «шайтан-шаман».

Наклонившись, Издикан треплет по загривку отважного пса. Тот крутится вокруг хозяина, молотит хвостом, припадает брюхом к земле, громко лает.

– Ну что там у вас? – кричу я Издикану.

Не знаю, услышал он мой вопрос или нет, но тоже прокричал что-то (что, я опять не разобрал), помахал мне рукой и тут же вместе с собакой, что называется, в мгновение ока исчез в прибрежных кустах. Я, не очень хорошо понимая происходящее, стою на «своем» берегу и пытаюсь это происходящее осознать.

Прошло уже три, если не все четыре часа с той минуты, как попутчики мои скрылись где-то в лесной чаще. Я все это время нахожусь в состоянии полной неопределенности и в нетерпеливом ожидании расхаживаю туда-сюда вдоль берега. Даже дорожку протоптал в свежем снегу. Все время поглядываю туда, где в кустах орешника исчезли Издикан и его собака, и решительно не могу понять причину их неожиданного исчезновения. Или, может быть, бегства? Нет-нет, на сей счет даже отдаленные предположения не имеют смысла – не мог мой сопровождающий вот так оставить меня наедине с моей «ответственной» ношей. Ну никак не мог. «А вдруг что-то случилось там, на том берегу?» – возникает у меня еще одна тревожная мысль – ведь уже добрых полдня я пребываю в полном одиночестве.

Чтобы занять себя, а заодно согреться (после вчерашнего снегопада заметно похолодало), развожу костер из того, что мне удалось отыскать под снегом поблизости и пройдя дальше вдоль берега вниз по течению речки (и при этом, признаться, получить удовольствие от отсутствия ноши за спиной). При свете солнца отсюда, от реки, хорошо виден склон сопки, с которой мы спустились накануне. Тягостное впечатление оставляет темное пятно на бело-голубом фоне не тронутых пожаром соседних гор. Выжженное пространство не смог «закрасить» даже густой вечерний снегопад.

Засмотревшись на огонь костра, я как-то не сразу уловил, что к ровному шуму воды на ближнем перекате добавился еще один звук – собачий лай. Да вон же он, наш красавец Хунзай! Только что поприветствовавший меня издали радостным лаем, смотрю, он уже ловко прыгает с камня на камень, быстро приближаясь к «моему» берегу. Подбежав ко мне, пес усиленно машет хвостом, припадает на передние лапы, вскакивает, радостно приплясывает передо мной и никак не может понять, отчего и я не делаю то же, что и он.

Вскоре на сцене появляется Издикан. Он весь в снегу, шапка сдвинута на затылок, лоб в капельках пота. Присев на камень, Издикан с громким причмокиванием раскуривает трубку, чему-то широко улыбается, лукаво поглядывает на меня снизу вверх и не произносит ни слова.

– Так что же произошло? Что случилось? – в нетерпении задаю вопрос.

– О! – слышу в ответ. – Собака не зря всю ночь лаяла, шайтан-шаман. – И после кроткой паузы Издикан выдает монолог:

– Нам с тобой быстро-быстро на тот берег надо. Слышал, что быстро? Сделаем однако так. Я сначала со своим мешком туда. Потом пустой назад за твоим мешком и с ним опять туда. И после – за тобой. Совсем меня понял, да?

Все это было произнесено необычно быстро, в полном смысле слова на одном дыхании. Я тогда, пожалуй, впервые за всю дорогу увидел своего проводника таким возбужденным. До сих пор и движения, и речь Издикана отличали, насколько я убедился, прямо-таки органично присущие местным таежным охотникам неспешность и размеренность, но вот...

– Так что же все-таки произошло? – опять повторяю я свой вопрос, и вместо вразумительного ответа слышу:

– Шибко торопиться надо! Мой мешок, твой мешок, потом однако ты... И все скоро надо.

Размашистыми шагами подойдя к берегу, Издикан, не медля ни секунды, перепрыгивает на ближайший камень, с него – на другой, но тут, вижу, он неловко покачнулся, отчего мешок соскользнул у него со спины и с плеском шлепнулся в воду. Подхваченный течением, мешок в секунду оказывается метрах в трех от неудачника. Тот, мгновенно

сбравшись, с помощью палок делает широкий прыжок вслед мешку, к счастью, на мгновение зацепившемуся за торчащий из воды сук, и таки хватает его. Однако оказавшись в воде выше колен, Издикан, смотрю, уже с трудом держится на ногах.

– Держитесь! Держитесь! – кричу я ему.

Только с помощью палки, оставшейся у него в одной руке, Издикану с усилием удается справиться с напором воды и выбраться на «наш» берег.

– Вот же, черт, какая беда, шайтан-шаман! Шибко беда! – громко, едва не навзрыд, ругается потерпевший и, обернувшись к реке, с угрожающей интонацией громко выкрикивает что-то по-нанайски.

Через считанные минуты на месте нашего бивуака можно было наблюдать такую картину: вокруг костерка разложены и сушатся мокрые вещи из одежды Издикана. Сам он, раздевшись донага, лежит в моем спальном мешке и не перестает что-то сердито бормотать на своем языке.

– Пойду вон туда поищу сухие сучья, – говорю я. – Надо побольше костер разжечь, чтобы одежду вашу скорей высушить.

– Зачем шибко большой огонь? – кричит мне вслед Издикан. – Ты однако тут опять ночевать собрался?

Когда я возвращался к уже догоравшему костру с доброй охапкой хвороста, я еще издали увидел, как Издикан, поднявшись в спальнике на ноги, мелкими-мелкими шажками обходит костер, собирает свои вещи и одевается. От одежды идет пар.

– Куда вы так торопитесь? Разве ж можно в мокрой одежде в такой холод ходить?

Нет, убеждать и убедить Издикана мне в моем положении – дело бесполезное, а спешить, торопиться нам действительно необходимо. Время за полдень, а мы с места ночной стоянки, так выходит, еще и шагу не сделали.

Но вот мы наконец делаем первые в тот день шаги по назначенному маршруту. Выглядит это следующим образом: прежде всего мы проходим по берегу вверх по течению речки до того места, где через нее недавно уже дважды с завидной легкостью перебирался Хунзай (можно предположить, что собака даже лучше своего хозяина ориентируется на местности). Поступаем так: первым на каменную «переправу» ступает Издикан, за ним следую я. Как только впереди идущий уверенно утверждает на своем острове, я, раскачав в воздухе свой мешок, передаю его в руки проводника. Затем, уже налегке, уверенно выхожу вперед и, обернувшись к нему, готовлюсь получить свой рюкзак обратно. После короткой паузы точно таким же образом мы поступаем и с обледеневшим мешком Издикана. Так мы уже окончательно покинули неприятный правый берег порожистой речки Ин. Здесь я опять делаю попытку вывести у Издикана, что же случилось прошлой ночью, но вместо ответа слышу от него лишь настойчивое требование ускорить шаг.

Некоторое время идем по следам, оставленным Издиканом еще утром. Потом, смотрю, мой «направляющий» начинает забирать все правой и правой. Я стараюсь ни на шаг не отставать от него, иду за ним след в след. Но в какой-то момент у меня возникает вопрос, на который я никак не могу найти ответа. Вчера, двигаясь нужным, по моему соображению, курсом, то есть на север, мы с целью обойти лесное пожарище повернули направо. Теперь, только что переправившись через реку, мы должны были, как говорят в армии, «принять влево», чтобы идти в прежнем направлении – на север. Но вот мы, оставив реку позади, идем почему-то на восток и вот снова заметно отклоняемся вправо.

Так что, если ориентироваться по солнцу, мы сейчас и вовсе чуть ли на юг идем. Это что ж, выходит, мы к железной дороге, обратно домой, возвращаемся или как? Да еще и идти приходится в таком темпе. Я уже, честно говоря, ноги кое-как тащу. Ночью-то нам ведь так и не удалось путем отдохнуть.

– А что, товарищ Издикан, не пора ли нам где-нибудь присесть? Да и курить охота, – нагоняю с этими словами проводника.

– Не-а, шайтан-шаман! Рано отдохнешь – поздно придешь будешь. Уже совсем скоро остановимся, – через плечо бросает мне Издикан и ускоряет шаг.

– А мне кажется, что мы с вами сейчас назад идем, – говорю ему вдогонку.

– Где идти да как идти – все равно, – слышу в ответ. – Лишь бы ты приходил, куда хотел.

Нет, как бы я ни старался, как бы ни силился, сегодня за Издиканом мне никак не угнаться. Он же не идет – он прямо летит.

– Нет, вы уж как хотите, а я все.... Падаю, – честно признаюсь я проводнику.

– Погоди маленько совсем, шайтан-шаман. – Вон видишь ту марь? Шибко близко. Там сидеть, там курить будем.

С этими словами Издикан неожиданно сбрасывает с себя мешок и скрывается за кустами, откуда вдруг послышался сердитый лай Хунзая. Через секунду гремит раскатистый ружейный выстрел, за ним слышатся короткий собачий взвизг и еще один выстрел. И вот перед моими глазами предстает такая картина: на ее переднем плане стоит, оскалив зубы, глухо рычащий пес со взъерошенной шерстью на загривке, перед ним лежит на снегу темная туша какого-то зверя. Кабан! Тут появляется Издикан. В одной руке у него ружье, в другой – охотничий нож. Приблизившись к кабаньей туше, охотник наклоняется и двумя ловкими движениями распарывает брюхо поверженного зверя.

Собака, низко опустив голову и заметно припадая на переднюю лапу, отходит в сторонку, ложится на снег и негромко поскуливает. Как оказалось, кабан перед тем, как его свалил с ног второй выстрел, таки зацепил Хунзая своими клыками.

Издикан выпрямляется и, судя по всему, раздумывает, что делать дальше. При этом с лица у него не сходит довольная улыбка, делающая его глаза и вовсе узкими щелочками. Стоя на месте, он притопывает ногами так, словно пытается согреться, хотя на лбу и на щеках его видны капельки пота. Немного так постояв, Издикан скрывается за кустами и возвращается оттуда со своим мешком. Я все это время остаюсь в роли наблюдателя, и вид мой у Издикана особого удовлетворения как будто не вызывает.

– Ну что же ты стоишь, как ... ? – обращается ко мне проводник, в точности повторив теми же словами и в той же интонации мой вопрос, который я задал ему при вчерашней нашей встрече со стадом косуль.

А я действительно всерьез озадачен всем тем, что происходило в тот день на нашем пути начиная с самого наступления суток: и тем, почему ночью нам не дала выспаться собака, и неожиданным утренним исчезновением Издикана после его первой переправы через Ин, и нежеланием проводника отвечать на все мои вопросы. Неужели все это, включая сюда и сумасшедшую нашу спешку по не совсем понятному мной «круговому» маршруту, как-то связано вот с этим ведем, распластным сейчас передо мной на голубоватом снегу? Да, по всей видимости, именно так оно и есть....

Я присаживаюсь на свой рюкзак, а Издикан сбрасывает с себя верхнюю одежду, остается в меховой жилетке и, закатав рукава, принимается за разделку кабаньей туши. Надо видеть, как он, житель тайги и, разумеется, потомственный охотник, справляется с этой операцией, действуя с той же профессиональной сноровкой (это мне не однажды приходилось наблюдать в детстве), как действуют искусные мастера своего дела – портные или сапожники, кузнецы или пекари. Прямо-таки смотреть приятно! Поблескивающий сквозь морозный пар нож в руке Издикана как будто не встречает в своих движениях ни малейшего сопротивления. Легкий взмах, разрез влево-вправо, еще один проход – и вот уже, вижу, на ладони Издикана дымит вынутое из-под ребер сердце лесного зверя. Что же я с удивлением вижу дальше? Отрезав от кабаньего сердца небольшой кусочек, Издикан отправляет этот кусочек в рот. За ним – еще и еще. И этак смачно, с громким чавканьем быстро-быстро их пережевывает. На лице едока, что называется, крупными буквами написано неопишемое наслаждение. Я невольно отворачиваюсь: меня и без того подташнивает от вида вспоротой туши и от запаха парного мяса, а Издикан, зайдя ко мне сбоку, протягивает мне на кончике ножа розовый пластик своей закуски и с видом эдакого радушного хозяина предлагает:

– На, тоже однако поешь. Кто сырое сердце кабана или медведя съедает, тот сам здоровый будет, сильный будет, шайтан-шаман. Это тебе однако сам председатель сельсовета говорит, – не то в шутку, не то всерьез добавляет к предложению Издикан.

Закончив разделку туши, удачливый охотник принимает на себя роль ветеринара. Он садится на землю, подтягивает к себе Хунзая, кладет его перед собой на колени. Собака при этом скулит, но послушно подчиняется хозяину. Тот между тем достает откуда-то из-под шапки нечто вроде костяной иглы с продетой в нее нитью, низко опустив голову и раскачиваясь взад-перед, довольно долго бормочет что-то себе под нос, после чего накладывает несколько швов на видную под шерстью только ему рану Хунзая. Собака, что просто удивительно, лежит неподвижно и не издает ни звука. Ну прямо волшебство какое-то! Неспешно действуя своим хирургическим инструментом, Издикан на своем обычном ломаном русском выговаривает псу:

– Ну, Хунзай, шайтан-шаман! Уж сколь разов я тебя просил: не лезь ты в драку со зверем, в которого стреляют, – сам под пулю попадешь. Вот ты, дурачок, и получил свое, шайтан-шаман. Скажи спасибо, что еще так получилось. Ну ты же взрослая собака – у тебя уже и дети в Кукане есть. И когда ты только совсем умный будешь?..

Воспользовавшись тем, что Издикан снова принялся хлопотать с разделкой кабаньей туши, я влез в спальник и быстро заснул. Правда, долго мне спать не пришлось. Открыв глаза, я увидел, как Издикан примеряется буксировать волокушу – большую разлапистую ветвь, поверх которой уложены части кабаньей туши.

– Сколько же все это весить может? Наверно, тяжело будет такое тащить, – выражаю я осторожное опасение.

Ни слова не говоря, Издикан поднял с волокуши одной рукой заднюю ногу кабана, другой – переднюю и выразительно покачал ими перед собой. Я понял, что он хотел этим сказать: дескать, что бы и как бы там ни было, но ради такой богатой добычи разве не стоило нам целый день потратить, а сейчас и лишний груз на себя принимать?

...Наскоро попив чаю с галетами и шоколадом (тем, что я на всякий случай рассовал по карманам еще в Биробиджане), отправляемся в путь. Впереди тяжело шагает впряженный в волокушу проводник. Движемся мы теперь куда как медленно. Совсем не так, как раньше. Причина, полагаю, вполне понятна. Я пару раз пытался подменить Издикана, но приличное время побыть в качестве тягловой силы мне оба раза так и не удалось. Хунзай

теперь тоже не бежит впереди нас и, как обычно, не рыщет по кустам, а, прихрамывая, плетется за нами с низко опущенной головой.

Уже под вечер мы вышли на хорошо утопанную в снегу полянку.

– Знаешь, кто это сделал? – спрашивает меня Издикан.

За ответом мне далеко ходить не надо: перед нами – пяточок плотно слежавшегося снега, исколотого копытами кабанов. Кое-где в снегу видны темные пятна – ледяные проплешины, оставленные здесь боками четвероногих ночлежников. То-то мы ночью все никак не могли понять, отчего это нам не давал спать Хунзай. Собака наша, как говорят, верхним чутьем определила близкое к нам месторасположение таежной «гостиницы» кабанов на противоположном берегу реки. Да вот он, порожистый Ин, слышно, шумит где-то рядом за кустами лещины.

Издикан, как мне показалось, чем-то озабочен. Минуты две он внимательно осматривается вокруг, сбросив с головы меховой башлык, долго смотрит куда-то вверх и предлагает мне двигаться дальше. «Дальше» – это на север и вглубь тайги, «дальше» – это вверх по течению реки. По мнению проводника, нам следует как можно скорее выйти на относительно открытую местность, потому что вот-вот и надолго сюда придет «шибко большой снег», а пробиваться через лесные дебри по сугробам да еще с волокушей нам будет «однако, совсем плохо».

Мы снова подхватываем мешки, Издикан впрягается в свою волокушу, и мы продолжаем путь. Некоторое время в свете закатного солнца я опять вижу северо-восточный склон обгоревшей сопки. Потом она скрывается из виду за деревьями и вот уже тонет в вечерних сумерках.

Определившись с местом для нового лагеря, Издикан первым делом пристраивает на ночь волокушу, забросав ее хворостом. Оба мы валимся с ног от усталости, и, сдается, обоим нам хватает сил лишь на то, чтобы забраться в спальные мешки.

День четвертый

Всю ночь шел снег, и когда мы, проснувшись утром, выглянули из спальных мешков, верхушки деревьев уже нельзя было рассмотреть: все вокруг утопало в сплошной мутно-белой мгле. А снежные хлопья, медленно, словно бы нехотя, все плыли и плыли к земле. Кругом царил тишина, время от времени нарушаемая лишь вкрадчивым шорохом хвойных лап, которые, не выдержав тяжести снега, вздрагивали и осыпали его с себя целыми ворохами.

Хунзай вскинулся ото сна и, видно, хотел было по привычке пробежаться, но, отойдя в сторонку, немного постоял, словно в раздумье, вернулся назад и снова улегся между нами.

Издикан выбрался из спального мешка, стряхнул с него целый сугроб снега, задымил своей трубкой.

– Что делать будем, товарищ проводник? – задаю вопрос.

– Делать однако ничего не будем – ждать будем. Пока снег не перестанет, лежать надо, сидеть надо.

– И долго нам так надо сидеть да лежать?

– Кто знает, кто знает, шайтан-шаман?..

С озабоченным видом походив вокруг, Издикан велит мне оставаться на месте, и через какие-то секунды его уже с трудом можно разглядеть за белой пеленой снегопада.

– Вы там не заблудитесь где-нибудь! – громко кричу ему вслед.

– Где заблудиться? Как заблудиться? Тайга – это тебе не город какой, шайтан-шаман! – доносится до моего слуха в ответ.

Некоторое время спустя проводник возвращается и сообщает, что отлучался в поисках более подходящего места для нашей вынужденной стоянки, но лучше того, где мы находимся сейчас, поблизости определенно нет. Прежде всего потому, что здесь мы более или менее надежно защищены от ветра. А он, ветер, после обильного снегопада уж непременно даст о себе знать. Ну и совсем не трудно себе представить (а мне такое переживать приходилось), во что тогда превращается только выпавший пушистый снег: порыв ветра – и все, что можно воспринимать зрением, мгновенно теряется в сплошной белой тьме, граница между небом и землей исчезает, и ощутить эту самую границу ты можешь разве что собственными подошвами.... Но пока что в тайге полное безветрие, сырой воздух неподвижен, и нам, предварительно подкрепившись горячим завтраком, пожалуй, можно какое-то время двигаться дальше. Однако Издикан, вижу, все уже для себя решил окончательно и, уловив на себе мой вопросительный взгляд, произносит:

– Надо, однако, быстро балаган ладить. Шибко скоро ладить, шайтан-шаман!

Спутник мой, чувствуется, чем-то встревожен и сосредоточенно-серьезен. До этого я его таким, надо признаться, не видел.

С минуту постояв в раздумье и помянув своего недоброго шамана, Издикан направляется к ближайшей ели и начинает обламывать с нее нижние, широко разветвленные сучья. Я по его команде складываю еловые лапы в этакий огромный веерообразный веник и, так сказать, транспортирую его к месту постройки нашего укрытия. Дается мне это не без усилий: ты тащишь груз через густой трескучий кустарник по глубокому сугробу, под которым скрывается путаница хвороста, хворост буквально вцепляется тебе в ноги, глаза слепит снег.....

Но вот – наконец-то! – с доставкой стройматериала на место сооружения шалаша покончено: посреди орешника высится целая копна из еловых лап. Издикан спускается с дерева и, окинув взглядом нагромождение хвойных веток, довольно прищмокивает:

– Хороший балаган, однако, будет!

Наскоро перекуриваем, разводим костер и без промедления приступаем к заготовке топлива. Его нам на всякий случай следует запастись как можно больше: ведь даже Издикан не знает, сколько нам тут придется сидеть да лежать, так что действовать приходится без оглядки на время. Кто и что здесь поможет нам укрыться от снежного шторма посреди таежного океана? Кроме нас самих никто. Кто услышит нас, если в этих наглухо забитых снегом дебрях нам вдруг потребуется хоть какая-то помощь?

Фундаментом для стенок нашего лесного жилища будет служить валок из комьев подтаявшего перед костром снега и быстро затвердевающего на месте его укладки. Но перед этим в него уже воткнуты концы самых больших хвойных лап, превратившихся в каркас примитивного строения. Затем сооружение это покрывается небольшими ветками, а поверх образованной ими кровли набрасывается снег. А чтобы он надежно держался на предназначенном ему месте, его следует окропить водой. Внутри шалаш выстлан все тем же еловым лапником. Места внутри такого обиталища с избытком хватит для двух человек, входом своим шалаш «смотрит» точно в том направлении, где на высоко

вскинутых огромных «рогах» вырванного с корнями кедра нами еще поутру были закреплены части кабаньей туши.

Покончив с хлопотами по обустройству временного убежища, присаживаемся к костерку, закуриваем. И только теперь замечаем, как изменилось все вокруг. В воздухе уже трудно рассмотреть отдельные снежинки – вместо них перед глазами висит густая, сотканная из мелких белых росчерков сеть – предшественница близкой метели. Слышно, как ветер где-то уже вблизи от нас тревожит верхушки высоких деревьев, которые отвечают ему ровным глухим шумом.

На четвереньках вползаем в наше жилище и закрываем за собой вход плотно связанным пучком все тех же еловых лап. До этого мы «пригласили» в шалаш и горевший снаружи огонь. Поначалу костерок заполнил помещение дымом, но потом разгорелся, и согретый дым, поднявшись к потолку, стал уходить наружу через не обложенный снегом самый верх шалаша. Правда, время от времени порывы ветра не давали дыму покинуть шалаш, но в целом отопление-освещение нашего прибежища нас как будто устраивало.

Теперь, когда мы сумели относительно благополучно укрыться от непогоды в лесном домишке и даже подкрепиться очередной порцией пельменей, сваренных на подобии очага, все наши заботы и опасения остались позади. А право на добрый отдых мы заслужили бесспорно. Сейчас вот лежим, курим, прислушиваясь, как там, «во дворе», шумит начавшаяся метель. Нам же остается привыкать к своему новому положению. Ну, например, следить за «поведением» костерка посреди шалаша и учиться ориентироваться в помещении, где темновато и где свободного пространства в обрез. Лежать здесь можно, садиться – осторожно, стоять нельзя никак. Но чем другим мы могли бы пожертвовать в походных условиях за тепло и относительный уют в глухой зимней тайге под властью бурана?..

Издикану, однако же, что-то не лежится. Он выползает из шалаша и через пару минут возвращается с разлапистым обломком сухого древесного корня в руке. Потом, подсев поближе к костерку, вынимает из-за пояса нож и начинает из своей деревяшки что-то там выстрагивать и вырезать. Не ожидая от меня возможных вопросов, дает неожиданное объяснение:

– Скоро, однако, э-лек-три-че-ство у нас в балагане будет, шайтан-шаман!

При неверном свете догорающего костерка, скорее на ощупь, Издикан вырезает на одном конце обрубка углубление, с другого его конца выравнивает растопыренные не то рожки, не то ножки. Затем я наблюдаю следующее: установив свое изделие углублением вверх, Издикан выливает в него из своего котелка остатки кабаньего жира. До этого мы, еще днем, мясо кабана поставили варить, но за хлопотами вокруг шалаша вовремя снять казанок с огня забыли. Мясо сначала сварилось, а потом изжарилось, а на дне посуды осталось немного жира, который Издикан и приберег для себя «на потом». Сейчас, вытянув из своего холщового мешка несколько ниток, Издикан скручивает их воедино. Веревочка эта станет фитильком для только что изготовленного таежным мастером светильника. Готово! Мигнув раз-другой, над самоделкой появляется язычок огня и первое, что он освещает, – донельзя довольное лицо широко улыбающегося Издикана.

– Совсем шибко хорошо, шайтан-шаман! – комментирует он результат своего труда.

Как бы старательно мы ни укрепляли стены и кровлю нашего строения, непогода заявляет о себе и внутри шалаша. Нет, снег к нам сюда проникнуть не может, от ветра мы тоже защищены надежно, а о том, что там, снаружи – вверху и вокруг нашего прибежища – уже буйствует снежная стихия, нам сообщает то и дело покачивающийся огонек издикановской лампы-«жировушки».

Пусть слабое, но все ж хоть какое-то освещение делает наше жилище по-своему даже уютным. От тлеющих в очаге головешек исходит живительное тепло. Так что нам сейчас как будто и дела нет до расхолодившейся вьюги. Есть возможность пообщаться, поговорить. Поговорить просто так. О том, что на ум приходит. Я, например, по какому-то случаю вспомнил и пересказал Издикану одну историю из «аляскинской» новеллы Джека Лондона. Потом, найдя в лице проводника внимательного и заинтересованного слушателя, коротко изложил ему содержание нескольких рассказов Боккаччо и Шолом-Алейхема. Хотя Издикан обучен грамоте, сносно читает на русском и на нанайском, но книг он почти не читал.

Между прочим, поинтересовался я у проводника тем, сколько раз ему приходилось ходить из своего Кукана на станцию Ин.

– Много разов, однако, ходил. Не сосчитать, сколько много, шайтан-шаман! – отвечал он.
– Ходить начал, когда еще мальчишка был совсем. А теперь мне уже скоро пятьдесят лет будет. Бывало и так, что за одну зиму я раза два или три здесь же вот так ходил.

– А случалось вам, как вот сейчас, в дороге в буран попадать?

– Было такое. И не один раз было, шайтан-шаман! Шибко страшные бураны сюда приходили. Самые большие деревья ломались.

Привстав и опершись на локоть, Издикан не торопясь набил табаком трубку, закурил. Рядом с ним лежит Хунзай. Временами собака вздрагивает во сне и тихо поскуливает: дает знать о себе рана. Докурив, Издикан потянулся, откашлялся и надолго задумался о чем-то своем.

– Ах, как же время это бежит! – нарушает он долгое молчание. – Человек даже речку остановить может, а время ему никак нельзя.....

По пояс освободившись от спальника, Издикан поправляет фитиль в своей «лампе» и, поудобней расположившись у самого очага, продолжает:

– Вот кто бы, скажи, еще лет десять назад насмелился с целым мешком денег через тайгу идти? И если бы тогда кто-то предложил это сделать мне, я бы ему сказал: «Нет, ты уж лучше застрели меня прямо на этом месте, чем посылать с деньгами туда, где после и сам черт даже косточек моих не найдет, шайтан-шаман!».

– Вот как? А вы же мне сами говорили, что в тайге этой человек человека не встретит, что в тайге человек только зверя встретить может.

– Все так, шайтан-шаман! Все так. Однако не всегда только так. Редко-редко в тайге человека встретишь – да, только редко такое и к добру бывает.

Издикан снова достает из-за пазухи трубку, но не закуривает, а, оставаясь неподвижным, отрешенно смотрит перед собой, словно старается вспомнить что-то.

– Раньше, – опять заговорил он, – когда в края наши еще советская власть не пришла, мы здесь, гольды да нанайцы, совсем бедно жили. Охотились, рыбачили, кое у кого огород был. Но это совсем мало. Больше всего охотой народ жил. А зимами, как только мороз дорогу сделает, люди наши отправлялись на Ин, на большие базары. Тогда на базары эти купцы съезжались. Много. Из Хабаровска, из Благовещенска, даже из самого Владивостока. Ехали, чтобы пушнину у охотников скупать. Шкурки тех же белок, лисиц, соболей, шкуры косуль, медведей, изюбрей тоже. Туда, на Ин, мы семьями ходили. По три, по четыре семьи сразу. На базар много-много всего несли и обратно тоже опять много: соль, сахар, материал, иголки, дешевые украшения, охотничьи припасы, лампы,

керосин к ним, ну и всякое такое. С мешками да с тюками люди шли. А дорога, сам видишь, какая здесь. По неделе, а то и больше на такую дорогу у нас уходило.

Дальше Ина наши куканцы со своим товаром раньше и не ходили никогда. По-русски потому что совсем плохо говорить могли. Назвать товар, который надо было на шкурки обменять, и то не все умели. А чтобы по железной дороге ездить, так с этим совсем было никак. Даже паровозных гудков люди боялись. Ну а хитрые русские купцы эти сговорятся меж собой и обязательно нас два раза обманут: первый раз, когда все тебе одну и совсем низкую цену на пушнину назовут, а второй раз, когда уже свой товар тебе отмеривают или отвешивают...

Тяжело вздохнув, Издикан замолкает, потом набивает табаком свою трубку и рассказывает мне о том, что в дни его молодости произошло однажды в зимней тайге. Шедшие тогда на зимний торг охотники в урочище под названием «Тигровое болото» ночевать собрались. От болота этого до Ина как раз всего день пути оставался. Путники костры разложили, наскоро старые шалаши подновили (потому как на том месте куканцы уже не один год на ночевку останавливались). Неожиданно собаки лай подняли. Оказалось, что навстречу нанайцам несколько русских купцов выехало. «Нас нынче дома на большой праздник ждут, вот мы и решили свои товары поскорей продать», – объяснили купцы. Тут же, прямо при свете костров и торговля началась. А цены на свои товары торгаши стали называть такие, что ниже просто некуда. Один старик-нанайец даже опасение высказал: уж не краденый ли товар сбывают те купцы? А у них объяснение все то же: нам, дескать, домой на большой праздник успеть надо, так что торговаться некогда. А уж охотники как тому рады были! И главное-то что? Без всякого обмана обмен товарами шел: кто сколько и чего бы ни захотел – то ли пороха, то ли сахара, то ли еще чего за шкурку соболя получить, купец ему без лишнего слова все отмерит и отвесит, да еще и спасибо скажет.

Быстро управились со сбытом товаров гости «Тигрового болота» и тут же по случаю удачной торговли и по их русскому обычаю предложили своим покупателям отметить окончание выгодного торга выпивкой. Расселись люди вокруг большого костра, одна за другой пошли по рукам нанайцев бутылки спирта. Прямо из них люди и пили страшно горький этот спирт, который не зря таежные люди «огненной водой» прозвали. Пили, закусывали вяленой рыбой юколой. Радостно обсуждали нечаянный торг посреди тайги. Опять пили. Купцы тоже от покупателей своих нисколько не отставали. Даже пример им показывали: «Глядите, как надо!» – кричал какой-нибудь купец и, поднявшись на ноги, на глазах у всех опустошал прямо из горлышка чуть ли не всю бутылку. Да только после оказалось, что все это обман был: у русских в таких же засургученных бутылках с такими же точно наклейками, как у куканских охотников, не «огненная», а самая обыкновенная вода была.....

Не пожалели тогда жадные русские купцы дешевого спирта.....

Неожиданно и закончив на этом свой рассказ о том давнем происшествии на «Тигровом болоте», Издикан перелег на другой бок, повернувшись лицом к стенке, с тяжким вздохом проговорил что-то на своем языке и, слышу, захрапел. Устал человек.....

За стенкой по-прежнему металась вьюга, огонек в нашем светильнике становился все меньше, и тем ярче казались догоравшие в костерке посередине шалаша две перекрещенные головни. Рядом со мной, мирно посапывая, лежит собака. «Спит наш Хунзай», – удовлетворенно проговорил я шепотом. Пес, будто расслышав эти слова, поднял голову и, потянувшись ко мне, лизнул мою руку, лежащую поверх спального мешка.

Утром меня разбудил голос Издикана, который, вставляя в свой монолог нанайские слова, «беседовал» с собакой:

– Шибко голодный ты у нас, бедняга..... Ну ты уж погоди маленько, Хунзайка. Тебе же сейчас и на пользу так. А помереть мы тебе в балагане не дадим, нет. Только пожди маленько совсем.....

Издикан разговаривает с собакой так, как если бы взрослый разговаривал с малым ребенком, а у меня при этом создается впечатление, что пес понимает каждое слово хозяина.

Между тем Издикан, вижу, расшевелил угли в нашем очажке, поправил над ними таганок и водрузил на него казан с подтаявшим за ночь снегом. Несколько сухих палочек подкинул в оживающий костерок и я. И всего-то несколько язычков огня тут же преобразили наше тесное прибежище. Так что стало светлей и теплей не только в шалаше, но и на душе. Поверьте, подчас совсем немного требуется человеку, чтобы ощутить полноту жизни.

В той долгой дороге меня не раз удивляло то, как искусно мой проводник умеет обращаться с огнем. Вот в костерке, кажется, уже и гореть нечему, а он даже и не думает гаснуть. Сейчас в шалаше огонь под казанком горит вовсю, но дыма почти не дает. Нет нужды и в издикановском «электричестве».

Вода в казанке закипает, и Издикан вытягивает из темного угла уже порядком похудевший мешок с пельменями. Мешок издает звук, как будто в него насыпаны грецкие орехи. Тронув повара за плечо, делаю ему знак, что мне, как говорят украинцы, «трэба до витру». – Иди, но сначала хорошо кругом посмотри и запомни, куда шел и сколько шагов делал, – напутствует меня Издикан. – Хотя давай вот как тебе сделаем.

С этими словами он скидывает шапку, достает из нее моток тонкого кожаного ремня и, что называется, глазом не моргнув, завязывает конец ремешка на моей ноге: все, мол, теперь можешь идти. Снаружи, действительно, темно хоть глаз выколи, снег выше колен, ветер буквально валит с ног (и это, по мнению Издикана, на более или менее благополучном месте в случае пурги). Через минуту-другую подергивание ремешка подает мне настойчивый сигнал возвращаться.

– Ну видел, как наши лесные духи-черти делают, когда бесятся, шайтан-шаман? – встречает меня Издикан.

Со снятой шубой, наброшенной на плечи, не выпуская изо рта трубку, он деловито хлопочет у костерка, занятый приготовлением завтрака. За каждым движением хозяина пристально наблюдает Хунзай. У него, между прочим, имеется собственная посуда – обреза черепка какого-то дикого животного. Сейчас Издикан выливает в собачью миску все содержимое казанка, а пес, тихо поскуливая и нетерпеливо переступая передними лапами, ждет, когда еда остынет.

– Сегодня мы сначала нашего раненого героя побалуем, – объяснил Издикан. – А потом уже и сами поедем. Время у нас еще есть.

Когда мы уселись «за столом», я сказал Издикану:

– У нас, у евреев, пословица такая есть: «Пусть и хороши пельмешки, а все равно приедаются». Я сейчас с превеликим бы удовольствием съел добрый ломоть хлеба с лучком да с селедочкой.

– Скоро все-все у нас будет, шайтан-шаман. Нам бы только до Кукана скорей дойти.

– Ой, когда это еще будет?!

– Скоро будет, скоро, шайтан-шаман. Только терпение иметь надо. Вот наладится дорога и...

– Как же она наладиться может, если все снег да снег?

– А вот когда он перестанет, тогда я тебе и скажу, когда нам дорога откроется, шайтан-шаман! – слышу несколько раздраженный ответ. – А пока ешь давай. Все будет ладно, все будет хорошо.

Ест Издикан с завидным аппетитом. Такое впечатление, что он, по крайней мере, уже дня три не ел.

– Плохая у вас пословица, про которую ты мне сейчас сказал, – с шумом отхлебнув жижу прямо из котелка, продолжил Издикан. – Как это человеку пельмени надоесть могут? Да такие, как эти, круглый год можно кушать. А где-то – ты сам подумай – есть люди, у которых не только пельменей, но и вовсе никакой еды нет, шайтан-шаман!

День седьмой

Два дня и две ночи бушевал в сопках буран. За все это время в шалаше нашем решительно ничего нового не происходило. Часы тянулись медленно и томительно. Утром, днем и вечером мы по-прежнему варили свои пельмени, а я при этом все так же мечтал о куске хлеба с луковицей и селедкой. Чтобы совсем уж не завянуть от вынужденного безделья и скуки, мы, случалось, вступали в разговоры. При этом говорили так, вроде как обо всем и ни о чем – просто что на ум придет. А о той давней, так не дорассказанной Издиканом истории на «Тигровом болоте», у нас речи не было: сам рассказчик как будто забыл о ней, а я все не решался ему о ней напомнить.

Между тем, свой отсчет начал уже седьмой день, как мы начали свой переход. А снег все шел и шел. Все так и не унимался, то как будто стихая, то резко усиливаясь, северный ветер. Но мы со временем уже так привыкли к нескончаемому шуму метели, что временами как бы и не слышали его.

– Нет, скажи мне, ответь мне, шайтан-шаман, когда вся эта сви-сто-пляс-ка кончится? – на четвереньках вползая в шалаш, ругается Издикан.

Некоторое время спустя мы оба выбираемся из своего укрытия и плотно запираем за собой «дверь», выпустив перед этим наружу и Хунзая. Ветер по-прежнему дует сильный, порывистый, но относительно прочно держаться на ногах уже позволяет, до десяти-пятнадцати метров увеличилась и видимость. Но как же разительно переменялось все окружающее! Кое-где намело настоящие снежные горы выше человеческого роста, хотя тут же, неподалеку от них, виднеются пятна голой земли. Низкое небо уже не кажется плотным скоплением сгустков мутно-серой массы, и местами по нему проползают расплывчатые быстро исчезающие светлые пятна.

Хунзая, очевидно, тоже порядком наскучило сидеть в шалаше и, оказавшись на свободе, он всем своим видом показывает, как этому рад. Пес крутится возле наших ног, молотит хвостом и, на бегу прихватив зубами обломок сухой ветки, подбрасывает вверх и ловит его. Потом с прыжка ныряет в глубокий сугроб, выбравшись из него, шумно отряхивается и снова ластится то к Издикану, то ко мне. Я удивляюсь: собака ведет себя так, будто и не было у нее той не совсем удачной встречи со свирепым кабаном.

Мороз явно ослабел, по всему чувствуется, что погода будет меняться. Не теряя времени, мы тут же занялись пополнением запасов топлива, решив переждать в шалаше еще сутки

и рассчитывая, что уж назавтра-то дорога нам непременно «откроется». Здешние сильные бураны как раз тем и хороши (употребляю здесь слово «хороши», разумеется, чисто условно), что не безумствуют целыми неделями, как это случается в высоких широтах, где-нибудь в Якутии, например.

После завтрака я таки улучил момент, порасспросить Издикана о событиях, которые последовали за торжествами куканских охотников по случаю их столь «удачной» торговли в урочище «Тигровое болото». Начал я разговор как бы издалека:

– А что будет с нами, если мы где-нибудь здесь тоже встретим таких же молодчиков, как те, которые когда-то напоили ваших куканских охотников? У нас же целый мешок денег и всего-то одно ружье на двоих...

– Глупости однако ты говоришь, шайтан-шаман, глупости! Как такое говорить можно? Теперь время другое и люди тоже другие. Тайга опять же тоже другая. Все-все стало теперь не так, как раньше было, шайтан-шаман!

– А какая разница между нами и теми нанайцами, которые тоже тогда по этой же тайге шли?

– «Какая разница?» да «Какая разница?» Большая разница, – явно желая прекратить пустой, по его мнению, разговор, недовольно бурчит Издикан. Перед тем, как влезть в спальный мешок, он хотел покурить, но сколько бы не причмокивал, стараясь раскурить трубку, табак отчего-то все не разгорался.

– С теми куканскими, которые тогда на инский базар шли, и отец мой был, – бросив возиться с капризной трубкой, заговорил Издикан. – Совсем бедный был человек мой отец. И еще шибко несмелый был. Я сам хоть и не всегда удачливым бывал, но с ним меня никак не сравнить. Про сына своего уж и не говорю: он у меня в самом Ленинграде теперь учится. Вот и думай, какая тут разница между старым и новым временем выходит, шайтан-шаман. Большая, скажу тебе... У нас, у нанайцев, прежде кого уважали? Тех, кто больше всех косуль настреляет, кто больше всех белок добудет. Не стану хвастаться, но я по молодости охотником хорошим был. Сейчас, конечно, по-другому у нас все стало. Вот придем в Кукан, ты сам увидишь, в каком я доме живу. А потом я тебе еще чум покажу, в котором мой отец со всей своей семьей жил. Этот чум у нас теперь как музей стал. А еще в прежнее время проживали в наших краях люди вроде тех купцов, которые в тайге не охотой и рыбалкой, а грабежом промышляли. Ну а теперь – сам уже знаешь – каждую зиму через всю тайгу к нам в Кукан целыми мешками деньги приносят. Вот сейчас тут я уже и тебя спрошу про разные разницы, шайтан-шаман!

– Ладно. Но вы все-таки представьте себе такое: ну а вдруг и на нас с вами кто нападет.

Издикана, я смотрю, начинают раздражать мои пристаивания: ведь он, кажись, только что дал вполне исчерпывающие ответы на мои вопросы о возможных, но, по его твердому убеждению, невероятных в настоящее время происшествиях – происшествиях, так сказать, не в нашу пользу. Однако внешне проводник держится спокойно: мои опасения кажутся ему явно надуманными, даже забавными:

– Не понимаю я, с чего это ты вбил себе в голову, что на нас кто-то здесь напасть может. Или ты забыл, что в нашем крае советская власть? Ну и хватит тебе уже об этом, шайтан-шаман!

– Да я бы и не переживал нисколько, если бы на меня вот этот мешок не навязали, – отвечаю. – Мы ж в тайге. Мало ли что здесь случиться может...

– Все плохое может случиться везде и всегда, – слышу резонный ответ. – Но если всегда хорошо делать то, что делаешь сейчас, ничего плохого никогда не бывает, запомни. А здесь у нас в тайге человеку надо просто постоянно настороже быть. Мы так и детей своих учим: в тайге все, как в жизни: то, что у тебя впереди всего в десятке шагов, и то не всегда увидишь. Так что идешь ли ты, сидишь ли, всегда думай только про то, что ты видишь и слышишь здесь и сейчас. А если хочешь, то и разговаривай со всем этим.

Так вот, оказывается, в чем секрет длинных монологов, которые, бывает, вполголоса и как бы нараспев звучат из уст моего проводника во время наших дневных переходов. Неплохой способ находиться в состоянии бдительности, а вдобавок к этому и надежный метод избавляться от разных нежелательных надоедливых, навязчивых, разных посторонних и зачастую неприятных мыслей. И ведь как все просто!

– Тогда, на «Тигровом болоте», хитрые русские купцы заставили охотников наших на какое-то время забыть наш таежный закон, а в помощь себе еще и спирт этот взяли, – после долгого молчания возвращается к болезненной теме Издикан. – Тяжелое было то время. Власть советская тогда только-только устанавливаться начинала. Да и то не везде и не сразу. И разные разбойничьи шайки хозяйничали не только у нас в тайге. А те торгаши, про которых я тебе рассказывал, хорошо знали, какие из нас, нанайцев, пьяницы. Шибко плохие мы пьяницы, шайтан-шаман! Сколько чего кроме воды и чая пить да как пить, у нас никто не знает. Там, на «Тигровом болоте» так оно все и было. И когда охотники выпили спирта столько, что уже ни рукой, ни ногой пошевелить не могли, «купцы» и занялись грабежом. Всю пушнину и товары, что с собой привезли, это они первым делом в сани побросали, а после за все остальное взялись. Шубы, что получше, с пьяных мужчин сняли, ружья с патронами тоже забрали. Вдобавок еще и карманы у всех обшарили. Копейки в них не оставили. Спичек – тоже. Еще и костры снегом забросали. Так возле погашенных костров и остались лежать на земле ограбленные куканцы.

Под утро проснулись люди с отмороженными носами и пальцами. А рядом с ними валялись пять отравленных собак. С великим трудом смогли добраться несчастные до Ина, где им удалось раздобыть немного еды да спичек. С тем и отправились обратно в Кукан. Из девяти охотников только шестерым удалось кое-как добрести до родного стойбища. Трое так и умерли в дороге от холода и голода. Я уже говорил тебе, что в числе пострадавших на том болоте и отец мой был. Домой он без пальцев на руках пришел.

– Он еще жив?

– Нет, умер несколько лет назад. Умер от боли и позора.

– Как это – «от позора»?

– А вот так, шайтан-шаман! Тот, кто пострадал у нас от мороза, навсегда теряет свое имя, и иначе, чем «Отмороженный» никто и никогда его уже не назовет. Для нанайца это позор страшный.

Наступает долгое молчание. Мы лежим, курим. Огонек в нашем светильнике, становясь все меньше и меньше, наконец, гаснет совсем. Едва теплятся и все заметнее чернеют головни в очаге. Мы засыпаем...

День восьмой

Сегодня мы встали раньше, чем обычно. Словно что-то заставило нас в то утро проснуться. Может быть, необычно наступившая «во дворе» тишина? Выбираемся из шалаша. Небо над головой – чистая голубизна. Уже взошло солнце. Правда, самого его нам отсюда не видно, но его лучи, пробившись сквозь деревья, выстелили по снегу

длинные яркие полосы. Свет слепит глаза. Все вокруг словно замерло в полной тишине и неподвижности, словно в каком-нибудь заколдованном сне. Пару минут мы топчемся возле входа в шалаш, куда нам тотчас же возвращаться совсем не хочется.

– Ну как ты думаешь – идти дальше можем? – спрашивает меня Издикан.

– Можем! – с готовностью отвечаю я.

Быстро разводим костер (на этот раз на вытоптанном пятачке перед шалашом), завтракаем. Издикан тут же излагает план наших дальнейших действий. Не теряя времени, отправляться в дорогу надо прямо сейчас: снег мягкий, ни ветра, ни большого мороза нет, так что особых помех в пути у нас, надо думать, не случится. Кстати, по словам проводника, от сопочки, на которой мы устроили свой балаган, на расстоянии примерно полдневного перехода (это если хорошо идти) находится охотничья заимка. Но полдня перехода – это для тех, кто налегке идет, а мы-то с добычей как-никак. Но если хорошенько постараться, то мы и с волокушей еще засветло к тому зимовью подойдем.

– Только отдыхать совсем шибко маленько надо, шайтан-шаман! У нас так говорят: «Быстро белка прыгает, да только не в твою сторону. Сидеть ждать ее к себе будешь – домой пустой придешь», – закончил нанайским присловьем проводник.

Прежде чем покинуть шалаш, Издикан вынул из своей шапки кусок синей ткани, разложив его перед собой, насыпал в него пригоршню пельменей, завязал узелком, потом всунул в него сверху сложенные в небольшой пучок спички, подумав, приложил к узелку самодельный светильник, обмотал то и другое нитью и прикрепил все это к «хвойному» потолку на видном месте. Потом, выйдя из шалаша, Издикан повернулся к нему лицом и громко проговорил что-то по-нанайски. Я стою рядом и не без некоторого удивления наблюдаю за тем, с каким серьезным видом Издикан проделывал все описанное.

– Я сейчас сказал, – опережая мой возможный вопрос, проговорил Издикан: «Послужи, балаган, добрым людям так же, как и нам ты служил!» и пояснил: – Такой у нас закон, такой у нас, таежных людей, обычай. И если ты не имеешь ничего против такого обряда, можешь и ты сказать теперь то же, что и я.

Тут я тоже повернулся лицом к шалашу, немного наклонил голову и сказал:

– Зол дос динэн фар гутэ мэнчен!

– Молодец, шайтан-шаман! – похлопав меня по плечу, похвалил меня Издикан. – А теперь давай-ка перекурим на дорожку, а с тем и вперед в добрый час!

...С первых же шагов мы движемся на север. Уже довольно высоко поднявшееся солнце стоит как раз справа от нас, ярко освещаемый им снег заставляет щуриться, и добро, что мы держимся ближе к деревьям, отбрасывающим тени. Впереди нас бежит Хунзай. Сдается, что он знает дорогу домой ничуть не хуже своего хозяина. Между тем, по мере нашего продвижения вперед, очевидно, по причине резкого улучшения погоды в тайге чувствуется оживление. Кажется, особую радость испытывают при этом вороны, оглашающие лес громким карканьем.

Я не могу сейчас не посочувствовать Издикану, который тащит свою неуклюжую «повозку» и думаю: не дай-то бог нам еще и сегодня набрести где-нибудь на свежий след кабана, ибо нет на свете такой силы, которая способна удержать нанайца, если у него появилась возможность «добыть» вепря. Охотник будет идти по следу зверя, по пояс утопая в сугробах, продираясь через непроходимую чащу колючих кустарников, долгими часами обходясь без пищи и на бегу утоляя жажду двумя-тремя горстями снега, пока, наконец, не настигнет и не уложит на землю далеко не безопасного для человека дикого

кабана... Нет, все же совсем неплохо то, что недавний буран стер в тайге все возможные и старые, и новые следы.

Чем выше мы поднимаемся к вершине очередной сопки, тем больше становится на нашем пути сломанных, искореженных и в беспорядке перемешанных вместе с вырванными из земли гигантскими корнями древесных стволов. Ни летние грозы, ни снежные ураганы не щадят деревьев, посмевших покорить горные высоты. Не человек, а стихия исконно и беспрепятственно господствует в этих краях – за тридевять безымянных сопкок от торных дорог...

Остановившись, присаживаемся на ствол поваленного дерева, чтобы отдышаться и перекурить. Издикан с озабоченным видом оглядывает безрадостную картину изувеченного леса, мрачнеет лицом, и в глазах его стынут слезы: человек, для которого тайга – это вся его жизнь, не может оставаться равнодушным к тому, что видит сейчас вокруг себя.

– Ой, сколько зверя и птицы гибнет, когда ветер да огонь сюда приходят! Шибко жалко, ай-ай жалко как! Ты видишь, что получается? Тайга она всех кормит-поит, одевает и согревает. Ничего для нас не жалеет. Только вот самой-то ей кто помогает, скажи? – сокрушается проводник.

Судя по положению солнца, нам давно бы пора пообедать, но светлого времени суток для того, чтобы обед приготовить, нам уже не хватит. Издикан меня утешает:

– Ничего, маленько потерпим еще однако. Скоро уже заимка будет. А от нее и до Кукана недалеко. Вот если бы в нашем Куране, как в Москве, было столько высоких труб с большим дымом, то с заимки мы бы уже хорошо видели, куда нам дальше идти. А сейчас нам с тобой вон-вон куда надо, – показывает он палкой в направлении месторасположения зимнего охотничьего приюта и с добродушной улыбкой добавляет: – У нас так говорят: «Теплый чум далеко стоит, а дойдешь до него скорее, чем до близкого балагана, в котором холодно».

Теперь наша дорога пошла на спуск. Но все время идти под гору и под гору нам не удается: то на пути у нас оказывается груда каменных глыб, то завал из вывернутых с корнями лесин. Приходится идти, как по лабиринту, и, упершись в очередную его «стенку», отступить назад. Единственное наше преимущество в этой ситуации – то, что позади нас остается уже последняя из самых высоких сопкок на пути в Кукан. Но вот, наконец-то, мы в низине. Рельеф здесь «спокойный», деревья отстоят друг от друга на приличном расстоянии, а из-под снега там и сям проступают то растрепанные метелки серой травы, то бурые пятна льда. Мы переходим замерзшее болото шириной не менее полукилометра.

Достигнув противоположного края непроходимого летом пространства, решаем все-таки сделать ну просто уже вынужденный привал. Садимся на обломок древесного ствола, распахируем куртки, снимаем шапки, от которых идет пар.

...Совсем уже медленно, буквально из последних сил одолеваем небольшой пригорок, и перед нами, словно бы из-под земли выросшее, возникает низкое строение – та самая охотничья заимка, о которой говорил Издикан. Признаюсь, что вид сего примитивного сооружения произвел на меня впечатление в чем-то даже странное. Ведь что, так сказать, постоянно и неотвратимо присутствовало у меня в поле зрения все эти дни? Деревья и кусты, снег и вода на шумном речном перекате, дальние сопки и нагромождения бурелома, обомшелые скалы и низкое небо над головой... И совсем мало того, что могло бы свидетельствовать о присутствии – нет, даже о самом существовании – человека на этой земле. Да, как-то так... И вот оно – прямо передо мной – вещественное и осязаемое

творение рук человеческих. Прямо-таки привет из обитаемого мира! Говорят, все познается в сравнении. Верно, точно так же – а именно в сравнении – мы способны по-настоящему сильно чувствовать и остро ощущать явления всего, что нас окружает...

Заимка – это низкая бревенчатая постройка, как бы несколько излишне вытянутая в длину. В сущности, это довольно примитивная изба с одной дверью и всего с одним окошком. Вход в помещение обозначен крылечком высотой в три ступени. Плоскую односкатную крышу образуют плотно уложенные друг к другу бревна. Над крышей, почему-то в самом ее углу, косо торчит ржавая дымовая труба.

Вокруг зимовья лежит нетронутый ничьими следами снег. Видно, после бурана сюда еще никто не приходил, так что первыми становимся мы. У входа оба сбрасываем с себя мешки, Издикан освобождается от лямок своей волокуши и, вскинув на оба плеча кабаньи окорока, исчезает за дверью. Я следую за ним. Из стен в сенях торчит множество деревянных колышков. Дальше – дверь в кухню. Здесь – два длинных стола с такими же длинными скамьями вдоль, в углу – печь, довольно искусно сложенная из дикого камня. Перед печкой – куча сухих дров и целый пучок щепы для растопки. Тут же, у плиты – небольшой столик, на котором стоит глиняная миска с солью, лежит кучка сухарей и спички.

Вторая, темноватая, комната, судя по двухъярусным нарам в ней, служит для временных обитателей лесного убежища общей спальней. Нары застелены матрацами, набитыми сеном. В самом конце спальни видна приподнятая крышка над входом в подвал и конец спущенной в него лестницы. Туда, в подвал, расторопный Издикан уже успел определить и свою добычу, нацепив тяжеловесные куски мяса на свободные крючья, укрепленные здесь на стенах и под потолком. При свете фонаря мне удалось рассмотреть десятка два разделанных туш, развешанных в естественном холодильнике. Здесь были туши кабанов, косуль и даже пары медведей.

– Тут же целый продовольственный склад, и все это без замка! – невольно удивился я.

– Отсюда никто ничего чужого не возьмет, – слышу голос Издикана. – И никогда. А чтоб у товарища красть – такого у нас и во сне никому не приснится, шайтан-шаман!

На сей раз мы готовим обед на кухне и обедаем, как в настоящей столовой (по крайней мере, сидя за настоящими столами). Мешки свои мы повесили в сенях. До сих пор, пока мы дневали и ночевали в тайге под открытым небом, я особо и не задумывался о том, где лежит и как висит банковский рюкзак с деньгами. А сейчас, когда мы с моим проводником и охранником находимся в четырех стенах и имеем крышу над головой, я подумал, что по всем законам в таких условиях крупные суммы денег положено хранить в нескораемых шкафах с особыми замками, а здесь – ну прямо чистый произвол! – где этот мешок денег положил, там он будет лежать. Точно так, как на этой заимке лежит, стоит и висит все, что имеет хоть какую-то ценность...

Первое, что я сделал на новом месте, – это помылся теплой водой. Наверное, не каждый в состоянии представить себе всю прелесть этой процедуры, осуществляемой пусть и в самых что ни на есть примитивных условиях. Я сижу, раздетый по пояс, босой, и все мое тело обволакивает нежное тепло. Сброшенное мною меховое облачение, все эти дни надежно спасавшее меня от лютой стужи, лежит в эти минуты в уголке как нечто лишнее и совершенно ненужное. Нет, как все же сильно меняется наше отношение ко многим вещам в зависимости от ситуации!

Тем временем Издикан деловито хозяйничает в зимовье как в собственном доме. Вот он перейдя в спальню, спустился в подвал, и я слышу оттуда, как он зовет меня к себе, чтобы

я забирал у него то, что он поочередно достает из подпола: торбу картошки, большую глиняную миску квашеной капусты и огурцов, соленую кетину и несколько луковиц.

Вскоре мы сидим за столом, на котором исходит паром жареное мясо кабана, красуются миска картофеля и все прочие, невыразимо аппетитные яства. О каких-то пельменях здесь даже речи нет. И ко всему прочему на столе нашем – представьте себе! – есть даже хлеб. Пусть даже черствый, но все-таки хлеб.

Издикан, вижу, аж вспотел, хлопоча с приготовлением ужина. Однако движется он легко, и настроение у него, чувствуется, приподнятое. Он тоже между делом успел уже помыться, а на кухне проявил себя прямо как настоящая хозяйюшка. Как бы между прочим я поинтересовался у него, как охотникам удастся не перепутать свою добычу с чужой: ведь там, в подвале, я увидел настоящий мясной склад, забитый десятками разных туш.

– А ничего такого сложного здесь и нет, шайтан-шаман! – отвечал проводник. – Вот ты когда в почтовый ящик письмо бросаешь, ты же точно знаешь, кто его получит. Вот так и здесь. Только охотник как бы сам себе «письмо» отправляет. А как он это делает, потом как-нибудь тебе расскажу. – И без всякого перехода заговорил вдруг о своей недавней поездке в Москву:

– Я уже рассказывал тебе о нашей делегации. А про ее руководителя Рабиновича не рассказывал, нет? Да ты его вроде как должен знать. Он там у вас директор педагогического техникума. А если ты его еще не знаешь, обязательно с ним познакомься и от меня сразу ему привет передай. Шибко хороший он парень, добрый. А сколько всего знает, шайтан-шаман! Я с ним в одном купе ехал и в Москву, и обратно. А звал он меня, знаешь как? «Издикан из Кукана». Ну все смеялись над этим, а я сначала не понимал, почему смеются. А после мне Рабинович сказал: так, говорит, когда-то давно-давно шибко больших ученых называли: сначала – их имя говорили, а потом – город, в котором они жили. Ну тогда и я вместе со всеми посмеялся.

Немного помолчав, Издикан продолжал:

– Когда мы в Москву приехали, нас сразу в гостиницу привели. А там в комнате и ванна, и этот... Как его?... Клозет, да... Это ж подумать только! В самой ведь Москве такое, шайтан-шаман! Помылись мы, поели. А потом мне Рабинович и говорит: «А не сходить ли нам, товарищ Издикан, после такой дороги еще и в баню?» Ну, думаю, в баню так в баню, шайтан-шаман! Взяли мы с собой все, что надо, ну и пошли в эту самую баню. Ой, шайтан-шаман! Ты сам хоть раз бывал в московской бане?

– Бывать не бывал, но несколько бань в Москве многим хорошо известны.

– Зато, наверно, мало кто знает, сколько народу там сразу в тех банях моется. Пожалуй что раз в десять больше, чем в нашем Кукане живет, да. Аж страшно, шайтан-шаман! Я как зашел туда, где люди моются, стою в тумане и не знаю, что делать. И тут чувствую мокрую руку на своем плече и слышу знакомый голос возле самого уха: «А давай-ка, уважаемый Издикан из Кукана, я тебя сперва в парилке как следует обработаю! Идем!» Мама дорогая, шайтан-шаман! И так меня этот не кто-нибудь, а сам директор техникума, человек такой умный и ученый, начал меня в этой парилке хлестать да колотить связкой прутьев... Я отбиваюсь, понять ничего не могу, сначала испугался даже. А Рабинович этот бьет меня, а сам еще и хохочет. Шибко он меня тогда так вот избил, – уже со смехом закончил свой рассказ о знакомстве со столичной баней «таежный человек» Издикан.

Спохватившись, что за время этого монолога чай у него совсем остыл, рассказчик долил в кружку кипятка и, отхлебнув из нее несколько глотков, продолжал:

– В нашем Кукане сроду никакой бани не было. И не только в Кукане, во всех нанайских стойбищах так. Даже гольды – наши же люди, – что живут возле самого Амура совсем близко к морю, и те – хоть и летом – боялись не то что купаться, мыться боялись. Тогдашние таежные законы и им, и нам самим такое запрещали. Про зиму уже и не говорю. Месяцами люди в тайге охотой промышляли и даже верхней меховой одежды с себя все это время не снимали. Да никто раньше ни про какие такие бани у нас не знал. И только тогда, когда народ наш помаленьку начал перебираться из чумов в деревянные дома и перестали люди с места на место кочевать, научились и они у русских в баню ходить. Только мыться, а не прутьями этими зачем-то хлестаться. Правда, некоторые из стариков наших про мытье в банях и слушать не желали: мол, отродясь мы без бани этой вашей обходились, век прожили, так дайте нам без нее и помереть спокойно. Ну теперь-то у нас по-другому все стало. Бывает, по каким-то причинам не истопят баню, так люди ко мне в сельсовет с жалобами идут.

– А завтра, когда мы с вами в Кукан придем, можно будет в вашей баньке попариться? – задаю вопрос.

– Завтра... Завтра нам первой-то всего в Кукане, наконец, появиться надо. Вот сегодня вернулись бы сюда охотники со своими собаками да оленями, мы с ними ой как быстро бы до места добрались.

– А что за люди, охотники эти? – спрашиваю.

– Люди как люди. Разные: нанайцы, якуты есть, эвенки тоже. А люди все они хорошие.

– Да-да. Только вот не станет ли кто-нибудь из них интересоваться, что это за человек здесь с вами и что там у него в таком большом рюкзаке лежит?

– Не-е, про это и не спросит никто. До чужого у нас никому никакого дела нет... А сейчас давай-ка мы с тобой в подвал спустимся, и я тебе расскажу, кто там был.

С зажженным фонарем спускаемся в холодный подпол, где развешаны туши диких животных. Издикан, подойдя к одной из них, внимательно рассматривает ее переднюю ногу и уверенно называет имя хозяина добычи. Двигаясь дальше, «экскурсовод» мой одно за другим произносит не меньше десятка имен. Мне остается лишь удивиться:

– И как же вы все это узнали? – спрашиваю.

– Очень просто узнал, очень просто, – слышу в ответ. – Смотри, вот кабан, которого я сюда принес. Принес и сразу же сделал ножом на его правой передней ноге свою метку – треугольничек одним концом книзу. Все охотники в Кукане, – и не только в нем, а и во всей нашей тайге, – знают, что такой вот значок – это значок мой. Такая же метка есть и у другого нашего охотника. Только кончик треугольника у него вверх смотрит. А еще у одного тот же кончик налево глядит. Ну или направо. А у зверя сколько ног? Так что каждый охотник такие треугольники уже на других звериных ногах ножом рисует. И не только треугольники, а еще и кружочки, квадратики, звездочки даже... Теперь ты все понял?

... Мы укладываемся спать на нары, но Издикан, я вижу, все никак не может заснуть. Кряхтит, то и дело переворачиваясь с боку на бок, сердито бормочет что-то себе под нос. Наконец, садится и предлагает мне:

– Эх, шайтан-шаман! А знаешь что? Давай-ка возьмем свои спальники да пойдем ночевать где-нибудь снаружи. Эти матрасы шибко пахнут нехорошо. Да еще и печку мы тут так натопили... Ну, что ты скажешь?

И вот уже мы лежим на ложе из недавно выпавшего снега. Мороз заметно ослаб, и можно лежать, даже не пряча голову внутрь спального мешка, и прежде чем заснуть, мы курим и долго разговариваем...

День девятый

Проснулся я довольно рано, но Издикан, как я понял, был давно уже на ногах.

– А я гляжу, ты уже не спишь, шайтан-шаман! – окликнул он меня. – Скоро-скоро уже наш Кукан! Давай завтрак будем делать. О, послушай-ка, что мне сегодня приснилось!

Издикан присаживается рядом со мной, с минуту сидит неподвижно, морщит лоб, словно стараясь вспомнить нечто очень важное.

– Да-да, вот! Слушай. У нас в куканском колхозе у каждого колхозника свое место в тайге – место, где он всегда ставит ловушки на белок. Мы ведь их не стреляем. Зачем шкурки портить? Но с ловушками этими не все так просто. Их изготовить да еще и расставить уметь надо. И у каждого охотника своя приманка должна быть. Рано утром встаешь, нагружаешься этими ловушками и вперед. Каждый день так, шайтан-шаман! И слушай, что мне снилось-то. Будто я в Кукане уже и пошел к своим ловушкам. Подхожу к одной, а там белочек этих столько, что и не пересчитать, шайтан-шаман! И смотрят мне прямо в глаза, вроде как просят обратно в тайгу их отпустить. Слыхал? Вот я и думаю, к чему бы мне такой сон привиделся... Может, ты знаешь? – пристально смотрит на меня Издикан, видимо, всерьез рассчитывая на мои способности толковать сны.

– Что я могу вам на это сказать? – говорю я, – только одно. У нас на Украине поговорка есть: «Голодной курице просо снится».

– Да ладно уж, шайтан-шаман! Сон он ведь как туман. Только что был и нет его – растаял. Как, ты сказал, на Украине говорят? Ой, шибко красивая это страна, Украина! Наша делегация от области там и в Киеве побывала, и в Харькове. Хорошие там люди живут! И много. А нас там принимал сам секретарь Цека товарищ Постышев. Он из наших, дальневосточник. «Эх, как же я вам завидую, товарищи! – нам он сказал. – Вы поедете туда, где я партизанил когда-то. Дня не бывает, чтобы я не вспоминал о тех краях». Такой человек он, шайтан-шаман! Столько дел и забот у него, столько всего в голове держать надо, а тайгу нашу все же находит время вспомнить!

Лицо Издикана становится при этом серьезным и строгим. Некоторое время он сидит задумавшись, слегка покачиваясь взад-вперед, потом вдруг спохватывается, как будто вспомнив что-то важное, и произносит негромко: «Ах, как жалко, как же жалко, шайтан-шаман!» и снова погружается в какие-то свои мысли и переживания.

– О чем же так сильно жалеет, товарищ Издикан? – осторожно поинтересовался я.

И проводник снова начинает вспоминать о той встрече наших делегатов с Постышевым, который в беседе с ними выразил мнение на тот счет, что стоило бы возродить традицию встречать новогодние праздники с елками. Многие, сказал он, до последнего времени почему-то считали, что обычай это религиозный, а вот Постышев думает, что встреча Нового года с елкой – просто веселый праздник и для детворы, и для взрослых, понятно, тоже. Так что его надо отмечать, как это бывало и раньше. При этом товарищ Постышев пожаловался, что на Украине ели почти не встречаются и их надо будет завозить издалека – из северных и восточных местностей.

– А что же будет с нашим Дальним Востоком, если сюда приедут с Украины люди и начнут ели рубить? Там, где мы были, много-много людей живут. Всем елки надо. Земля

здесь совсем голая будет, и станет у нас так же, как возле Киева да Харькова. И белок тоже не будет. Жалко, шибко жалко! – с горестной миной на лице заключил свой рассказ «Издикан из Кукана».

Необычный сон и упоминание о разговоре с Постышевым подействовали на проводника не лучшим образом: он даже завтракать не стал. И только тогда, когда я напомнил ему, что сегодня мы будем в Кукане и что надо накормить Хунзая, Издикан немного оживился.

Вскоре мы покинули заимку. А прежде чем расстаться с ней, Издикан вытряхнул из мешка в чугунок остатки мерзлых пельменей и выставил его на видном месте в холодных сених. Все остальное и прочее в зимовье осталось в точности таким, каким оно было в час нашего появления в этом лесном приюте. Если только не считать туши кабана, которая теперь висит там в подвале, и почти незаметной убыли квашеной капусты, огурцов и одной соленой рыбины из немалого числа хранящихся там.

Наступивший день был солнечным, ярким и безветренным. Густо осыпанные снегом деревья стояли совершенно неподвижно и производили впечатление нарисованных на полотне художника-пейзажиста. Однако скоро мы вышли из плотного окружения хвойных великанов и перед нами снова открылась просторная марь, почти лишенная древесной растительности. Идти по ней легко. Снег здесь плотный и неглубокий, местами то прячется под ним, то выступает из-под него лед, покрывший где русло извилистого ручья, а где поверхность не то большой лужи, не то небольшого озера. Летом этот участок нашей «дороги», что несомненно и очевидно, совершенно непроходим, обходить его надо далеко стороной, если обойти его возможно вообще.

Спустя несколько часов мы приближаемся к южному склону лесистой возвышенности, местность вокруг нас меняется снова, и здесь перед нами одно за другим возникает целый ряд водных препятствий – лишь местами схваченных льдом быстрых речек и речушек, каждая шириной не больше каких-нибудь десяти метров. Судя по всему, где-то ниже по своему течению они сливаются в общее русло.

Первым очередную переправу, как обычно, начинает Хунзай. Секунду-другую он всматривается вперед, и вот уже, сделав несколько ловких прыжков с камня на камень или с камня на ползатонувший обломок древесного ствола, пес наш уже стоит на противоположном берегу. Повернувшись к нам, он громко лает, как бы призывая нас немедленно последовать его примеру. Если же мы по какой-то причине с переправой не спешим, собака точно так же, сделав несколько прыжков с камня на камень, опять оказывается рядом с нами, крутится у нас под ногами, заглядывает в лицо то одному, то другому, ожидая, когда ее похвалят или погладят по косматой черно-пестрой голове. Всем своим видом и поведением Хунзай убеждает нас, что у него не было ни той злополучной встречи со свирепым вепрем, ни последующей за этим хирургической операции, столь деловито и хладнокровно проделанной хозяином смелого пса. Тот латал шкуру раненой собаки с таким видом, будто собственный унт зашивал...

Хороший отдых на охотничьей заимке придал нам буквально новые силы, и несмотря на несколько переправ, которые нам пришлось сегодня преодолеть, усталости мы как будто не ощущаем. Издикан к тому же идет сейчас налегке. Незаметно подходит время обеда, и за едой проводник объявляет, что до встречи с Куканом нам остаются считанные часы, только перед этим нам надо будет перейти еще через реку Урми. Проводник в добром настроении. За обедом он все время шутил, а насытившись, стал играть с Хунзаем. Сидя на земле и уложив собаку на спину между вытянутых ног, он поглаживает и щекочет ее живот. Пес закрывает глаза и довольно урчит. Глядя со стороны, трудно сказать, кому большее наслаждение доставляет этот процесс – то ли собаке, то ли ее хозяину.

– Ну что, шайтан-шаман, соскучился по Кукану? – разговаривает он с Хунзаем. – Скоро-скоро там будем. Отсюда нам недалеко совсем. А там Мария наша. Она ждет тебя и уже шибко скучает по тебе, шайтан-шаман!

Переложив собаку на бок, Издикан осматривает место, на которое во время той «операции» накладывал швы.

– Я думаю, что ты теперь до-олго будешь того кабана помнить, – назидательно говорит он при этом Хунзаю так, как будто тот безусловно понимает все ему сказанное, и, уже адресуясь ко мне, говорит:

– А ужинать мы сегодня будем уже в Кукане, у меня дома. Мария моя встретит тебя как дорогого гостя. Сам увидишь, шайтан-шаман! Да что Мария? Все люди в Кукане, которым ты деньги несешь или даже которым не несешь, все тебя как гостя примут.

Привал окончен, и мы снова в пути. Впереди, как всегда, шагает Издикан. С левого плеча у него свисает на одной лямке мешок с остатками провизии, в руках – ружье. По привычке проводник негромко что-то напевает или бормочет нараспев какие-то непонятные мне слова. Может быть, он сейчас рисует ими свою долгожданную и уже скорую встречу с родным домом?..

День подходил к концу, когда мы, преодолев каменистый взгорок, увидели перед собой реку Урми, местами залитую в этот час красно-оранжевым сиянием предзакатного солнца. С высокого правого берега реки нам открылся вид на ее порожистое русло, лишь местами прихваченное белыми пятнами льда. Несмотря на уже по-настоящему зимние морозы, между камнями под легким паром кипела и пенилась вода.

Перевод с идиша: Валерий Фоменко